

Иванъ Лукашъ

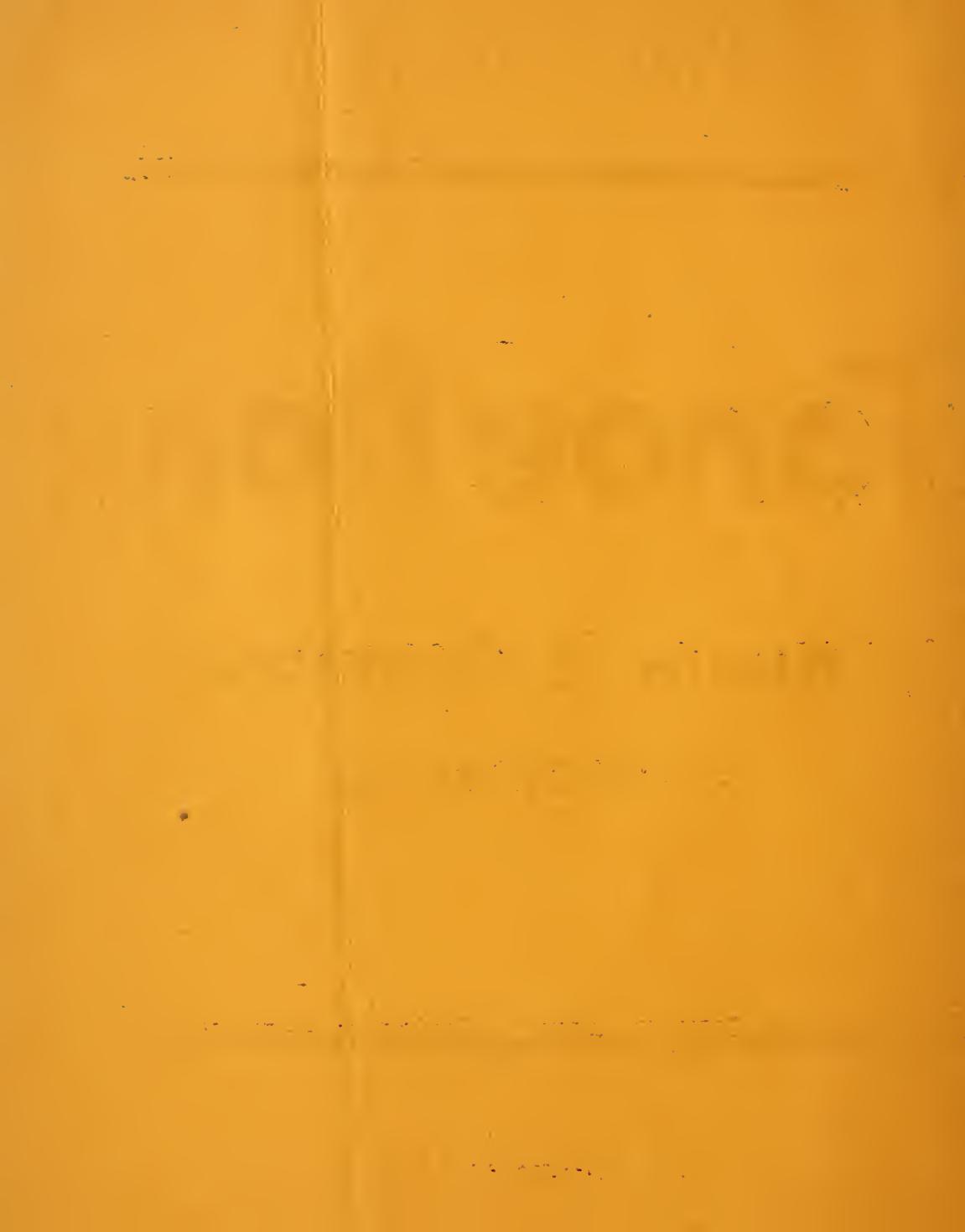

Голое Поле

Книга о Галлиполи

1921 годъ

София 1922

ИВАНЪ ЛУКАШЪ

ГОЛОЕ ПОЛЕ

(КНИГА О ГАЛЛИПОЛИ)

1921 г.

СОФИЯ
Печатница „БАЛКАНЪ“
1922

* * *

Когда уголья будут гаснуть, ты
тронь ихъ щипцами, ударь по обго-
рѣлымъ чернымъ головнямъ — и ри-
нутся и запляшутъ искры, а ты сядь
ближе, наклонись къ жару и слушай
шопотъ огня.

Ты видишь — рушатся безшумно
стѣны и падаютъ, чуть свистя, баг-
ряные башни. Ты видишь, какъ, свер-
кая червонными кольчугами, подня-
лись рыцари и унеслись, кружась,
огненные монахи. Ты видишь мета-
нія горящихъ знаменъ.

Сядь ближе, наклонись такъ, чтобы
тихій багрянецъ озарилъ твоё лицо
и слушай шопотъ огня.

Слушай . . .

Нутепъ-Паша.

У нея ключицы сквозять черезъ бѣлый батистъ кофточки. Ключицы, какъ два легкихъ крыла, раскинуты на груди. Мы сидимъ на полу, на полосатомъ матрасѣ. Когда она повертываетъ голову, я вижу, какъ выются надъ ея бѣлымъ затылкомъ золотистые, каштановые кудерки. Выются такъ же, какъ давно въ Петербургѣ, когда была она дѣвочкой, носила коричневое платье съ кружевнымъ бѣлымъ передникомъ и ходила въ гимназію. У нея былъ тогда такой маленький зеленаго сафьяна портфель съ серебрянымъ ключикомъ.

Мы сидимъ на полу. И то, гдѣ сидимъ мы, — не комната, а верхняя площадка деревянной лѣстницы. Провалены деревянныя ступени и надо очень осторожно подымать ногу, чтобы не угодить въ черныя ямы. Ветхія перила трясутся подъ рукой.

На площадкѣ она и живеть. Обмазаны стѣны сѣрой известкой. Стѣны въ трещинахъ и зеленоватыхъ лишаяхъ. Я упираюсь головой въ приклеенный обрывокъ зажелтѣлой газеты. Надо мной печатныя черныя буквы „Конецъ большевикамъ“, и когда надавишь

выгорѣвшій обрывокъ, онъ хрустить подъ моимъ затылкомъ: обрывками заклеены клопинныя щели, известка въ коричневыхъ помазкахъ крови. Этотъ сѣрый, полуобваленный греческій домъ — настоящій клоповникъ.

А окна на площадкѣ нѣтъ. Нѣтъ, — окно вышиблено, и проявать въ стѣнѣ полуузавѣщенъ одѣломъ. Желтое одѣяло корузло здѣсь и зимой, когда заметаль площадку мокрый снѣгъ и приходилось отряхать бѣлую горки инея съ подушки.

Стоитъ теперь угрюмая жара. Воздухъ давитъ, какъ накаленный мельничный жерновъ, а съ бурой площади, гдѣ стоять грузовые автомобили, мететь на площадку колкую сѣрую пыль . . .

Она здѣсь живетъ, вотъ уже скоро годъ. Она, и ея мужъ, — офицеръ-летчикъ съ синими, чуть померктыми глазами.

— Послушай, первый парадъ былъ у насъ подъ окномъ. Осенью, въ дождь. Зеленые шинели дымились. Я слушала, какъ они топчутся подъ окномъ: На ногахъ вмѣсто сапогъ намотано тряпье, а сапоги расквашены и все пальцы наружу. Стоять по щиколотку въ грязи, подъ дождемъ. Имъ командуютъ — стройся, а они и не знаютъ, какъ строятся. Они все забыли. Они толкуются и топчутся . . . Ну, такіе милые, ну, такіе родные, — ты понимаешь, я плакала.

Смотрю я въ ея родные, каріе глаза, и легко, и тихо вспоминаю коричневое платье гимназистки и серебрянныій ключикъ отъ зеленаго портфеля. Вспоминаю, какъ зимой она приходила съ мороза со своимъ мичманомъ и щеки горѣли, и морознымъ дымомъ пахли каштановые волосы, а на щелковистой, бурой лисицѣ таяли бисеринки петербургской изморози . . .

— А теперь ты видишь, какіе у насъ щеголи ходятъ. Всѣ въ бѣлыхъ рубахахъ и всѣ въ сапогахъ. Шагъ печатаютъ. Но когда запоють, я всегда плачу.

Словъ я не слышу, но знаю, что про Россію и у меня такая тоска, — понимаешь.

Осенний парадъ былъ, можетъ быть, въ тотъ день, когда генераль Кутеповъ верхомъ, въ первый разъ, проѣхалъ въ лагерную стоянку. Шумѣль дождь и влажныя, темныя лохмотья тучъ волочились, цѣпляясь дымно за горы. Конь по брюхо забирался въ глинистую вязь дороги.

Для русскаго лагеря отвели мѣсто на землѣ какого то турецкаго полковника, по долинѣ, у горъ, гдѣ въ большую войну стоялъ англійскій лагерь. Англичане звали свою стоянку „Долиной розъ и смерти“, потому что по разсѣянамъ, надъ долинной рѣчкой, ползли гибкія заросли алаго шиповника и потому, что много умирало англійскихъ стрѣлковъ отъ укусовъ змѣй и москитной лихорадки.

Дымила сѣрымъ дымомъ долина. Оглядѣлся Кутеповъ и сильно ударилъ коня шпорами въ бокъ, и повернуль обратно въ Галлиполи.

Тамъ, у мола, гдѣ пушечнымъ грохотомъ прокатывался прибой, съ ночи стояли выгруженныя на берегъ войска. Подстеливъ шинели въ грязь, лежали тифозные. Солдаты устали, солдаты спали, накрывшись съ головой мокрыми шинелями. Тамъ юнкера, топая захолодавшими ногами, пѣли. Пѣли потому, что замерзли, потому, что хотѣлось выть отъ голода и уже трудно было сжимать красные и мокрые, скорченные холодомъ пальцы. Вѣтеръ и дождь несли смутный вой.

— Мама, мама, что мы будемъ дѣлать
Когда настанутъ зимни холода...

Пѣсенка о мамѣ была первой русской пѣсней, какую услышалъ осенний Галлиполи.

— Когда я повернуль коня и поскакалъ назадъ, — я поняль что дѣлать — разсказывалъ генераль въ первыхъ дняхъ Галлиполи своимъ близкимъ.

На молу, гдѣ бѣжалъ стадами бѣлыхъ волковъ прибой, на холодномъ дождѣ, вповалку, промокшіе до нитки, топтались женщины, лѣти, солдаты. Это была измученная толпа, голодные, нищіе, вываленные изъ чернаго нутра транспортовъ, стонущая на лѣяному дождѣ, поднятая вѣтромъ человѣческая пыль...

Оборванные погоны, сырья шинели на голову мѣшкомъ. На молу никто не зналъ какая часть, какой полкъ. На молу — все смѣшалось.

И подъ дождемъ мокли, дымились и никли свернутыя знамена.

Кутеповъ вошелъ въ толпу. Кто-то не отдалъ честь. Рѣзко окрикнулъ Кутеповъ:

— Честь! Вы бѣженецъ, или солдатъ?

Кутеповъ понялъ, что безъ дисциплины не будетъ и арміи, а въ дисциплинѣ нѣть ничего мелкаго, и неважнаго, а въ дисциплинѣ все важное и все главное, — даже и не поднятая къ козырьку рука и не-пришитый погонъ. Зналъ Кутеповъ отъ какихъ пустяковъ, отъ какихъ мелочей начался великій развалъ величайшей арміи...

И въ первые же дни приказалъ Кутеповъ кого-то арестовать и посадить на гауптвахту. Онъ, вѣроятно, такъ думалъ: армію ждетъ Россія, а чтобы сохранить армію, надобно сохранить дисциплину. Онъ, вѣроятно, думая, что такъ надобно Россіи.

И отсюда, отъ мола, гдѣ все смѣшалось и поникали знамена, пошла исторія знаменитой галлиполийской гауптвахты, или Губы въ — просторѣчіи...

Кутеповъ рѣшительный, желѣзного закала генераль. Когда былъ онъ еще мальчишкой-гимназистомъ, онъ на особую стать воспитывалъ волю: заставлялъ будить себя ночью, одѣвалъ мундиръ и маршировалъ, маршировалъ, борясь со сномъ. Человѣкъ онъ добрый и простой, у него сощуренная, ласковая усмѣшка, заразителенъ его смѣхъ и широкое, загорѣлое его купецкое

лицо похоже на окладистый ликъ стольника московитскаго. Кутеповъ — человѣкъ простыхъ вкусовъ и простыхъ ощущеній. Весь онъ широкъ, низокъ и приземистъ. И когда онъ стоитъ, онъ точно вростаетъ въ землю. Вся его сила въ ногахъ и весь онъ похожъ на того вросшаго въ болотную петербургскую гать бронзоваго битюга, что сторожитъ съ бородатымъ понурымъ царемъ Санктъ-Петербургъ...

Началась исторія Губы. Губа — крѣпкій рычагъ армейской жизни, Губа — основной тонъ воинской лямки и воинского будня.

У квадратной маленькой Галлиполійской бухты, забитой легкими фелюгами, что качаются сѣрыми мачтами, а сами, какъ жеманныя птицы, — на набережной, гдѣ примостились на сѣромъ булыжникѣ низкія стайки соломенныхъ стульевъ турецкихъ кафе, — стоять въ выцвѣлыхъ рубахахъ, съ винтовками черезъ плечо, усатые русскіе часовые: за деревянными мостками поднимается, выложенная сѣрыми плитами, широкая стѣна Губы.

Разсказываютъ, что строили сѣрую стѣну Венѣцианскіе рыцари. Разсказываютъ, что въ каменномъ голомъ казематѣ, подъ обросшимъ черной копотью балками потолка, отыскались запорожскія надписи, молитвы Иисусу плѣнныхъ Остаповъ.

Все Галлиполи, какъ пыльный, выжженный солнцемъ проѣзжій трактъ исторіи: Здѣсь Ксерксъ поролъ ржавыми цѣпями Геллеспонтъ. Подъ Галлиполи стояли шатры крестоносцевъ. На другомъ берегу залива тянутся желтая ленточка домиковъ греческаго городка, гдѣ родился по преданию Аристофанъ.

Галлиполи, — Городъ Красоты, сталъ теперь пустыннымъ Голымъ Полемъ, какъ прозвали его русскіе солдаты. Пропылили столѣтія и раскидалось теперь пыльное кладбище. Всюду, по узкимъ улицамъ, надъ блѣдными площадями, у моря — поднимаются теперь къ солнцу;

съченные изъ мрамора, бѣлые тюрбаны на покривленныхъ столбахъ турецкихъ могилъ.

У сѣрыхъ стѣнъ, разрушенныхъ землетрясенiemъ и огнемъ англійскихъ кораблей, и надъ песчаными откосами, сухо шурша, качается бурый репей. Узкія ящерицы виуются, скользя по могильнымъ плитамъ. гдѣ залегла въ змѣистыхъ завиткахъ арабскихъ буквъ вѣковая пыль. Шелестить подъ шагами выгорѣлая трава. Бѣловатый песокъ жжетъ подошвы. И всюду сухой шелестъ репья и ящерицъ. . .

А за Галлиполи, до синихъ, призрачныхъ горъ, — золотыя пшеничныя поля, гдѣ носятся черными хлопьми галочки стаи. Трепещетъ воздухъ тревожнымъ треуголемъ ихъ крыльевъ. Сѣрыя каменныя мельницы, похожія на башни замковъ, едва шевелятъ парусиновыя круглыя крылья, обтянутыя по краямъ бичевой, точно черной паутиной. Шумятъ у дороги обсыпанные сѣрымъ пепломъ пыли узловатые и суровые платаны. Подъ ними въ полдень отдыхаютъ громадные голубовато-сѣрые волы съ раскинутыми бѣлыми рогами. Выкачены у воловъ добрые, темные и влажные зрачки и сочатся ихъ морщинистыя ноздри, а на мягкихъ, сѣрыхъ загривкахъ сверкаютъ подъ солнцемъ синія, стеклянныя бусинки отъ глаза.

Оглянешься кругомъ, золотое марево, золотая тяжелая пыль, накаленные солнцемъ бѣлые тюрбаны, а за ними синее море.

Море синее, въ бѣлыхъ трепетныхъ дорожкахъ пѣны, гулкое ровнымъ дыханіемъ неумолкаемаго прибоя. Дыханіе моря носится надъ Галлиполи. Отхолити, — приходитъ, обиваетъ своей соленою росой сѣрую пыль, грохочетъ гулкимъ грохотомъ, точно внизу, у темныхъ, камней, покатыхъ, какъ черепашы спины, гдѣ, свистя, льется шумная пѣна, — скачутъ, гремя копытами тяжко вздыхающіе табуны.

Надъ синимъ моремъ синими призраками виснутъ горы. Такія нѣжныя, такія синія и такія женственныя...

Городъ Красоты, Галлиполи, — гдѣ сверкали подъ солнцемъ бѣлые перья рыцарскихъ щлемовъ, гдѣ у свѣтло журчащихъ акведуковъ торговали рабынями со всего Востока, — выгорѣлъ въ вѣкахъ и уснуль теперь обожженнымъ, пыльнымъ кладбищемъ.

И только у Губы, въ порту, шевелится жизнь.

На соломенныхъ стульяхъ, разставивъ ноги и выкативъ животы, обверченные грязными красными кушаками, сидѣть турки. Чистильщики сапогъ, чумазые еврейчата-еспаньолы пристроились у самой воды и звонко барабанятъ щетками о свои черные лари.

— Почистить, почистить.... Русъ, карашо...

Подъ холщевыми навѣсами лавокъ, гдѣ пахнетъ корицей и лукомъ, на рогожахъ, громоздятся зелено-желтая головы лынъ, кажутъ багряныя, пухлыя щеки цюмидоры, а изъ темныхъ, мокрыхъ корзинъ свисаютъ матовый гроздья винограда.

Бѣлые феяюги, съ синими и зелеными узорами по бортамъ, съ легкой лебединой грудью, что ходятъ и въ Афины, и въ Одессу, качаютъ въ небѣ стройныя мачты. Въ солнечной водѣ сплетаются и рябятъ тѣни мачтъ, зеленыя и синія полосы, бѣлые паруса...

Протодотали, маслянисто сверкая глянцевитыми затылками, подъ сизыми касками, черные сенегальцы, — Сережками зовутъ ихъ русскіе солдаты. Потряхивая золотыми брелоками цѣпочки, спѣшить куда то грекъ, сдвинувъ желтое канотье на затылокъ, а потъ виснетъ капелькой съ горбатаго, хищнаго носа. Весело болтая, прошли коротконогіе французы, потные и красные, точно изъ горячей бани. Печатаетъ шагъ, ровно отмахивая руками, взводъ бѣлыхъ русскихъ юнкеровъ.

У порта — городской фонтанъ. Широкія, темныя плиты мостовой всегда мокры и блестятъ. Вода свѣжо звучить и сверкаетъ. Радостно звенять ведра и жестяныя баклаги. . . .

А въ кафе у порта — прохладно. Отъ воды по бѣлому потолку ходятъ солнечные водянистые разводы. По бѣлой известкѣ стѣнъ — свѣжая роспись: кальяны съ малиновыми чубуками въ золотомъ плетеньи, бутыли, налитыя прозрачнымъ, золотистымъ виномъ, серебристо-красные попугаи и огромныя, бѣлыя русскія ромашки. Живописалъ русскій. Русская роспись во всѣхъ турецкихъ кафе у порта.

Вечеромъ въ кофейнѣ „Олимпіумъ“, у мола, зажигаютъ четыре мѣдныя керосиновыя лампы съ рефлекторами. И бренчитъ тамъ вечеромъ на піанино русская офицерская жена старые романсы „Пара гиѣдокъ“, и „Ахъ да пускай свѣтъ осуждаетъ“ . . .

А на шаткой верандѣ, что выходитъ въ море, на подлавкѣ, между облѣзлыхъ, узкихъ, крашеныхъ въ бѣлое столиковъ, ходить русская ресторанная барышня. Подведены ея влажные глаза и губы тронуты карминомъ, какъ у всѣхъ ресторанныхъ русскихъ барышень въ Турціи.

Но ее здѣсь не тронутъ. Ее здѣсь не обидятъ чужie. Ей не исщиплютъ до синяковъ руки, какъ щиплютъ въ кафе Стамбула. Она своя, Полковая Маша, идущая съ полкомъ походомъ еще отъ Ростова и Новороссійска. . . .

Осенью бывали кражи, были и грабежи, а по вечерамъ, на огни кафе, выходили изъ темноты блѣдные русскіе солдаты за милостыней. И быть такой случай: въ греческій трактиръ, гдѣ выли кошачийѣсни загулявшіе фелюжники, пришелъ за милостыней солдатъ, а фелюжники затѣяли шутку: налили стаканъ водки, наложили горку мѣдныхъ лептъ. — Вотъ, русскій, бері вино и деньги, только стань на колѣни. —

Солдатъ пришелъ съ осенняго дождя. Въ тѣ дни винные, оборванные и голодные русскіе бродяги, вымытенные на берегъ съ кораблей, — забирались въ теплый кафе, къ огню, и брали одну чашечку густого,

горьковатого кофе на десятерыхъ, лишь-бы набраться тепла, лишь-бы отогрѣться. Въ тѣ дни грохотало море и холодный дождь прихлестывалъ къ землѣ спящихъ вповалку. Въ тѣ дни стояла у всѣхъ на душѣ студеная, черная ночь.

Русскій нишій потоптался, наслѣдилъ опорками, и сталъ вдругъ опускаться на колѣна. И вотъ тогда то, такая ресторанная барышня, офицерская жена, ахнула, заломивъ руки, смахнула со стола рюмки и горку зазвенѣвшихъ лептъ и кинулась къ солдату.

— Не смѣй. Не становись на колѣни... Ты — русскій.

И было, вѣроятно, что-нибудь страшное въ ея мрикѣ, потому что нишій бѣжалъ, а черноусые, заросшие волосомъ, цѣпкіе, какъ обезьяны, фелюжники молча поднялись и ушли.

Зовутъ эту офицерскую жену Викой. У ней стриженые бѣлокурые волосы, пепельная родинка на кругломъ подбородкѣ и ясныя и веселыя ямочки, когда она улыбается. Въ прошломъ году она кончила гимназію въ Симферополѣ. Ея Коля заболѣлъ туберкулезомъ и вотъ теперь надо работать.

— Ну что же, какъ нибудь, какъ нибудь. Всѣ терпятъ, — говоритъ она и мгновенно краснеетъ, перебирая худенькими загорѣлыми пальцами звонкіе стаканы.

Было это въ декабрѣ. Когда студеная ночь шла у всѣхъ въ душѣ. Когда люди бредили опрокинутыми орудійными передками, взорванными броневыми машинами, кровью и дождемъ и угольными ямами кораблей, гдѣ несмыываемая черная пыль забирается въ каждую бороздку кожи.

Было это въ декабрѣ... А теперь нѣтъ въ Галлиполи русскихъ нишихъ. Теперь цѣпкіе греки почтильно кланяются и турки медленно привѣтствуютъ русскихъ, прикладывая два пальца къ фескамъ.

Сонные парикмахеры въ накаленыхъ солицемъ лавченкахъ, заглядывая на ваше лицо въ тусклое, засиженное мухами, зеркало, внимательно и любезно будутъ брать кончикъ вашего носа двумя пальцами, пахнущими лукомъ и табакомъ, и спрашивать, какъ за-правскіе русскіе парикмахеры:

— Стричь, брить?... Карабо.

Черные сенегальцы-Сережки не понимаютъ грековъ и греки не понимаютъ Сережекъ. И идеть у нихъ между собой разговоръ на языкѣ русскомъ. Сережки скалять зубы, врачаютъ тихо и ужасно болками и жарко лопочутъ по русски:

— Сколько стоитъ? Дай еще... Иди сюда...
Нѣть хорошо...

Турчанки записываютъ длинныя и плавныя русскія фразы, что слышать отъ жильцовъ-офицеровъ. Записываютъ легкими ленточками-каракульками и повторяютъ ихъ, и хлопаютъ въ ладоши, и радостно смѣются, слушая непонятную музыку чужого языка.

Гибкія какъ кошки турчанки влюбляются мгновенно и внезапно въ русыхъ гяуровъ и уже до десяти Аньфэ и Фатимъ стали женами русскихъ офицеровъ.

Русскій языкъ — разговорный языкъ Галлиполи. Маленькия турчанки, коричневыя, быстроглазыя, похожія на легкихъ блохъ, метя босыми ножками въ пыли и подхвативъ свои сатиновыя шальвары на руки, поютъ, ужасно визжа, одесскую пѣсенку, не то „Ахъ зачѣмъ эта ночь“, не то „Полюбилъ всей душой я дѣвицу“...

Греческіе ребята, всѣ длинноносые и всѣ съ надутыми круглыми животами, съ утра играютъ въ солдатъ и командуютъ по-русски:

— Смирно... ш-а-г-о-м-ъ аршъ...

Ни русскихъ бродягъ, ни русскихъ нищихъ нѣть больше въ Галлиполи. Есть теперь обѣднѣвшій рус-

скій господинъ, до щепетильности чисто одѣтый, болячкой, сильный, добрый, но очень обѣднѣвшій, до того, что приходится загонять ему иногда обручальныя кольца, пару сапогъ, колоду картъ, американскую рубаху и облѣзлый мѣхъ, вывезенный еще изъ Москвы. Не безъ Кутеповской Губы обратился русскій бродяга въ русскаго господина.

Самъ Кутеповъ, получающій какъ и всѣ по двѣ лиры, какъ говорятъ загналъ пару хорошихъ сапогъ, женины платья и подаренную полкомъ бекешу, а генеральскія штаны замѣтно потерты, но щепетильно чисты.

Онъ говорилъ рѣдко, а если говорилъ — были просты и чисты его слова, какъ біеніе сильнаго сердца. Онъ говорилъ: — „мы русскіе, мы ея послѣдніе солдаты и нась ожидаетъ Россія“. И въ его простыхъ и ровныхъ словахъ простого, русскаго съ головы до пяты, человѣка — каждый слышалъ біеніе своего сердца.

Говорилъ рѣдко, но чего только не дѣлалъ этотъ литой солдатъ. Приказомъ его суда полковники за пьянство разжаловались въ рядовые, назначалось по 15 сутокъ аресту за непришитую пуговицу, за рваную штанину. Для него были равны и офицеръ, и солдатъ, и онъ безжалостно, не взирая на лица, смывалъ всякую грязь, всякий нагаръ съ солдатской чести. Это онъ навалилъ на усталыхъ людей глухую лямку строевыхъ занятій, муштры, шагистики, козырянья. Это онъ взнудздалъ Галлиполи желѣзнымъ мундштукомъ желѣзной дисциплины . . .

Кто хотѣлъ уходить — тѣхъ не задерживали. Французы сгоняли людей въ Бразилію, громадный прокопѣльный „Решидѣ-Паша“ много разъ терпѣлъ свой высокій бортъ у Галлиполійскаго мола и густымъ, сиплымъ гудкомъ звалъ русскихъ домой, обратно, на родину.

И уходили. А генералъ взялъ и выдумалъ еще такой странный приказъ. Всѣ желающіе могутъ уйти изъ арміи, за трое сутокъ заявивъ объ уходѣ. Но

если останешься послѣ приказа — конецъ. Ты солдатъ и будешь твой уходъ какъ предательство, какъ бѣгство изъ линіи огня.

Галлиполи ходило ходуномъ подъ Кутеповскимъ мундштукомъ.

Въ дни приказа о свободномъ уходѣ изъ арміи были и такие, кто думалъ, что вся армія разбѣжится отъ странныхъ приказовъ. Говорили: „Кому же достаетъ охоты пухнуть отъ фасоли и жрать чуть-ли не скорпіоновъ?“

Кутеповъ только щурнѣлъ глаза, усмѣхаясь.

— Ничего. Такъ надо. Посмотримъ

И ушли въ бѣженцы изъ 30 тысячъ только три. Побѣдила его стальная вѣра въ стального солдата.

А Кутеповскіе приказы сыпались на оставшихся. Жесткіе, солдатскіе Выпилъ человѣкъ лишнее, пашумѣль — Губа на 20, на 30 сутокъ. Молодой солдатъ стянулся на часахъ изъ американскихъ ящиковъ банку сгущенаго молока — военная тюрьма.

Всѣ знаютъ Губу. Всѣхъ тянула Губа, даже музыкантовъ, что слишкомъ медлили на парадѣ съ такими полкового марша. Армія тянулась на генеральскій блокъ. армія подтягивалась и незамѣтно шагнула черезъ Губу, черезъ виѣшнюю дисциплину, черезъ угрозу военнымъ наказаніемъ.

Русскихъ нишихъ, русскихъ воровъ и грабителей въ Галлиполи нѣтъ. За девять мѣсяцевъ галлиполійскаго сидѣнія былъ всего одинъ грабежъ, да двѣ кражи. Старый русскій юристъ, знатокъ законовъ и преступленій человѣческихъ, Кузьминъ - Караваевъ, когда былъ въ Галлиполи, все удивлялся, что за годъ армейской стоянки не было ни одного преступленія противъ женской чести. Старый юристъ говорилъ, что во всѣхъ арміяхъ есть обязательный процентъ такихъ преступленій и что русская армія единственная, гдѣ нѣтъ солдата, обидѣвшаго женщину . . . А ста-

рый турокъ, Мухмедъ-Али, — что торгуется у порта желтымъ англійскимъ мыломъ и османскими папиросами, теръ передо мною другъ о друга свои коричневые морщинистые пальцы съ ободками серебрянныхъ перстней, и силился разсказать беззубымъ запалымъ ртомъ, какъ хороши русскіе кардаши.

— Я старый аскеръ. Когда вашъ грандъ дукъ князь Никола ходилъ Стамбуль братъ — я аскеръ быль. Потомъ французъ стояль. Англезъ стояль. Русъ нѣть воръ, русъ нѣть кулакъ. Русъ хорошъ, кардашъ, русъ, какъ мулла.

Круто тянуль армію Кутеповъ, только исподвоя, мало по малу, опуская блокъ, когда начали его понимать, когда даже нетерпѣливые, молодые поручики стали говорить, что безъ Кутепова расползлась бы армія въ человѣческую труху.

Быль сначала такой приказъ: хожденіе по улицамъ разрѣшено до 7 часовъ вечера, а позже — на Губу. Потомъ разрѣшено до 9, до 10, до 11, теперь до 12-ти. Такъ, покоротку, опускалъ желѣзнью узду генераль.

И все падали по кривой внизъ вины губныхъ сидѣльцевъ. Отъ грабежа и кражи дошла Губа до дней своего паденія, до пьяныхъ дѣлъ. Тряхнеть по всѣмъ десяти конвоецъ, получивъ свою лиру за мыслять солдатской тяготы. Пьяненький военный чиновникъ завалится посреди улицы въ пыль, распѣвая надорваннымъ, бабымъ голосомъ жестокій романсь... Губа подберетъ.

Какъ разсказываютъ, по утрамъ, въ штабѣ, Кутеповъ, подписывая приказы по корпусу, спрашивается теперь иногда коменданта:

— Ну сколько у васъ на Губу? Много сегодня... Давайте сажать?

И разсказываетъ, посмѣиваясь, армейская молодежь о такой вѣрной примѣтѣ: когда генераль въ формѣ Дроздовъ, онъ добръ, безъ цука, безъ подтяжки и Губы не будетъ, когда онъ въ формѣ Корниловцевъ — всякое можетъ быть, и то, и се, а когда одѣнетъ Марковскіе погоны, обязательно погонитъ кого — нибудь на Губу.

Идетъ Кутепычъ по улицѣ. Въ черныхъ перчаткахъ, въ черной гимнастеркѣ. Идетъ, шагая крѣпко и широко. Съ ними шагаютъ безусые адютантики въ ослѣпительно бѣлыхъ гимнастеркахъ, нѣжно звякая шпорками.

Коричневыя дѣвченки-турчанки разлетаются испуганной воробышкой стаей.

— Кутепъ-паша, Кутепъ-паша . . .

Часовые сенегальцы, что, разставивъ ноги, стоять у домовъ, надъ которыми полощутся въ синемъ ъебѣ свѣжіе флаги Французской Республики, вскидываютъ коротко звякающія винтовки и радостно скалять зубы и держать на-караулъ, и по русски отдаютъ честь русскому генералу, приставивъ выгорѣлый и узкія ладони къ вискамъ. На это Сережкамъ нѣтъ никакого приказа.

И отдаютъ они честь такъ, по сердечному удовольствію, также, какъ съ радостнымъ увлеченіемъ, прищелкивая языкомъ и вращая ужасно глазами, зовутъ Кутепова — Mon papa . . . O, mon papa . . .

Кутепъ-паша шурить блестящіе черные глаза. Смѣется. И всѣмъ смѣшно на Сережкино уваженіе.

Этого широкаго въ кости, съ лысымъ, крутымъ лбомъ крѣпкаго солдата поняло и уважаетъ Галлиполи. На Губѣ недовольные армейскими порядками сидѣльцы рѣшили, однажды, произвести выборы Комкора. Выборы вели по всѣмъ правиламъ — прямымъ, тайнымъ, равнымъ и всеобщимъ голосованіемъ. Много генеральскихъ фамилій поставили въ списокъ. Сидѣло тогда на Губѣ 50 человѣкъ и, когда записки были развернуты, всѣ 50 голосовъ были за генерала Кутепова.

Каменная сърая Губа, у которой стоять русские часовые, не застѣнокъ и не мрачная тюрьма. На самомъ дѣлѣ, это что то особое, галлиполійское, нигдѣ не виданное, — это просто Губа . . .

У Губы изъ сидѣльцевъ выбирается, старшій по чину, свой начальникъ гарнизона. У него свои здѣютанты, у него свои приказы по Губѣ.

Комендантъ города пришелъ какъ-то навѣстить арестованныхъ. Спрашиваетъ:

— Что у васъ новый или старый начальникъ вѣшего гарнизона?

— Новый.

— А кто?

— Я.

— Ну здравствуйте, пансіонеры . . .

А вечеромъ начальникъ Губного гарнизона издаетъ такой свой приказъ:

„Сего числа я вступилъ въ должность начальника Гарнизона Губы и въ этотъ-же день Комендантъ Года немедленно сдѣлалъ мнѣ визитъ, за что и объявляю ему благодарность“.

Если арестованныхъ много, Губа вывѣшиваетъ приказъ: „Комплектованіе нашего гарнизона идетъ чрезвычайно успѣшно. Благодарю генерала Кутепова за постоянное пополненіе“. На Губѣ такая-же дисциплина, какъ и за ея стѣной. Чуть что, начальникъ Губного гарнизона — приказъ: „Сего числа поручикъ обратился съ разговоромъ къ часовому. Объявляю офицеру выговоръ за дисциплинарный проступокъ: съ часовыми не разговариваю“.

У Губы есть и своя казенная печать: тощая, двухголовая птица: одна голова — генералъ Кутеповъ, а другая — комендантъ города, и каждый скажъ въ лапѣ по маленькому офицеру, болтающему и руками и ногами...

Кутеповъ навѣщаетъ Губу въ канунъ всѣхъ большихъ праздниковъ и тогда дается „амнистія“ и Губ-

ные сидѣльцы гурьбой шествуютъ ко всенощной...

Есть у Губы и свои поэты. Какой-то капитанъ, подъ долгодневнымъ арестомъ, сочинилъ цѣлую пѣсеньку. Стихи — отчаянные, но на голосъ поется хорошо и главное — вся она пронизана насквозь свѣтомъ галлиполійскимъ...

Поеть заключенный о суровомъ и строгомъ, отъзвывчивомъ и чуткомъ генералѣ, о его борьбѣ съ грязью, разгильдайствомъ, солдатскимъ пьянствомъ, съ обищимъ зломъ.

Поеть заключенный, какъ генералъ требовалъ порядка, уставы арміи крѣпилъ, какъ онъ работалъ день и ночь и думалъ о Россіи.

Поеть и о томъ, какъ понялъ генерала весь корпусъ, какъ очистились отъ зла бѣлые солдаты. И такъ заканчивается эта пѣсенка галлиполійской Губы:

Ошибокъ мы не повторимъ;

Грѣхи намъ наши ясны.

На подвигъ братьевъ вдохновимъ

И станетъ Русь прекрасна...

Надъ Губой добродушно посмѣиваются, ее не боятся, ее даже любятъ, какъ свое галлиполійское. Много разъ падавшій съ машинъ, съ перешивленнымъ носомъ летчикъ-наблюдатель, полковникъ Яковлевъ, маленький, тощенький, очень веселый человѣкъ и мѣстный острякъ, распѣваетъ про Губу веселыя пѣсеньки на полковыхъ вечерахъ.

Ходятъ про Губу, какъ и про все, каррикатуры. Изображенъ, напримѣръ, со страшно выпученными глазами „Комендантъ города“, а губа у него огромна, растянута и отвисла. И сидятъ на этой чудовищной губѣ маленькие, дрожащіе, какъ мышеныта, офицерики... Кутеповъ собралъ уже цѣлый архивъ каррикатуръ на себя.

На „Устной Газетѣ“, подъ вечеръ, куда медленно тянутся послушать лекторовъ бѣлые рубахи, — слу-

шаютъ весело газетныя небылицы. Лектора — сухопарые офицеры въ очкахъ изъ старыхъ студентовъ и скорая на языкъ, ловко звякающая шпорками, вчерашняя газетная молодежь, сообщаютъ и „Новости“ и „Волю“, и выдержки изъ совѣтскихъ газетъ. Эти странныя солдатскія собранія подъ открытымъ небомъ, въ какой еще арміи они есть?

Ведетъ устную газету черноглазый, уже сѣдой, но по мальчишески быстрый на ноги, представитель земско-городскихъ организаций Рѣзниченко, пронырливый въ работѣ, всюду поспѣвающій, проталкивающій въ армію все — отъ водопроводныхъ крановъ и подошвенной кожи до послѣднихъ парижскихъ изданій, влюбленный въ армію, какъ шестиклассникъ-гимназистъ.

Кутеповъ сказалъ, что хочетъ только правды, и Галлиполійская пресса рѣшила говорить правду. Когда по всему миру русскіе эмигранты впали въ розовую истерику подъ морозный ревъ пушекъ съ кронштадтскихъ портовъ, когда политики, какъ ошалѣлые игроки, начали бросать ставки на эволюцію большевизма, на крестьянскія возстанія, на голодъ, когда „Общее дѣло“ обѣщало черезъ двѣ недѣли поголовное бѣгство комиссаровъ изъ Кремля, здѣсь, въ синихъ сумеркахъ, сухопарые, очкастые лекторы, загибая тощіе пальцы, твердо чеканили:

— Не вѣрьте. Все это или истерика, или выдумка. Не сегодня и не завтра придетъ освобожденіе. Крѣпитесь духомъ. Не вѣрьте, тамъ ослѣпли въ политической мглѣ. Тамъ самообманъ, а правда проста: мы одни, мы полузабыты и мы должны крѣпить свой духъ.

Кромѣ живой говорящей прессы есть еще десятокъ своихъ журналовъ въ Галлиполи. Писаны всѣ они тщательно на машинкѣ, бережно вклеены на страницы акварели и карандашные рисунки. Какъ-то

Интимны всѣ эти „Лучи“ „Лепты артиллеристовъ“, „Сергіевцы“, „Развѣй горе — въ голомъ полѣ“. Журналы полны робкихъ молодыхъ, воспоминаній, интимныхъ и грустныхъ исторій о молодой любви, добродушныхъ каррикатуръ на голодовку, дисциплину и Губу. Курсы языковъ, гимназія, народный университетъ, библіотеки есть въ Галлиполи и почти каждый вечеръ тамъ идутъ тихія собранія, — и въ городѣ, гдѣ пріѣхалъ на горѣ, у коричневыхъ развалинъ древняго амфитеатра русскій гарнизонный театръ и въ лагеряхъ, гдѣ поставлены свои холщевые театральные ба-дағаны, отъ которыхъ вѣромъ расходятся вверхъ вырытыя въ землѣ квадратныя скамьи глиняныхъ русскихъ амфитеатровъ.

Вечеромъ, когда воздухъ начинаетъ свѣжѣть, — звучитъ темный Галлиполи. Тянетъ гдѣ-то высокую бархатистую ноту корнетъ-а-пистонъ. Волной доносится отзвукъ солдатской молитвы. Мерцающими зрачками, у моля, въ темной водѣ горятъ отраженія освѣщенныхъ оконъ кафе. Трепещутъ отсвѣты-лучи какъ длинныя, золотистыя рѣсицы.

Слышны плавные вздохи мѣдныхъ трубъ. Такіе плавные и такіе трепетные вздохи, точно мерцаніе огней въ темной водѣ у моля. Если вслушаться, станетъ тихо звучать печаль, потому что мѣдныя трубы поютъ старые русскіе вальсы, поютъ старыя увертюры русскихъ оперъ.

Волна вечерней молитвы, звучащая печаль мѣди, и огни, огни въ темной водѣ . . .

Галлиполи вечеромъ звучить. Въ гарнизонномъ театрѣ идетъ „На бойкомъ мѣстѣ“, а можетъ быть „Нора“ или „Потонувшій колоколь“. Въ самомъ свѣтломъ зальцѣ Галлиполи, въ греческомъ клубѣ, гдѣ горятъ газовые лампы, даетъ концертъ Корниловскій или Алексѣевскій полкъ. Во всѣхъ полкахъ свои хоры, свои струнные оркестры. Въ земскихъ мастерскихъ

валовчились русские музыкальные мастера дѣлать гитары и скрипки изъ тонкой фанеры консервныхъ ящиковъ.

Галлиполи звучить . . .

Въ сараѣ, около базара, въ центральной библиотекѣ, где днемъ, за длинными дощатыми столами, молча, чуть только покашливая, шелестѣли страницами завсегдатан — выступаеть вечеромъ художественная студія.

При свѣчныхъ огаркахъ, въ темнотѣ . . . Въ сараѣ — духота. Темныя стѣны въ капели пота, стѣны мокрыя, какъ отъ дождя.

Играеть лысый, высокій скрипачъ. За нимъ маленький Яковлевъ, ласково гримасничая, поетъ щуплымъ теноркомъ пѣсенку о консервахъ, о галлиполійскомъ Хазъ-Булатѣ, загнавшемъ коня и кинжалъ за двѣ лиры, о галлиполійскихъ будняхъ, о Губѣ, фасоли, слухахъ . . .

Темный сарай горячо и глубоко грохочеть сдержанніемъ смѣхомъ. На шаткихъ вѣнскихъ стульяхъ, въ первыхъ рядахъ, Кутеповъ и его жена.

Стуль подъ генераломъ крѣпко скрипитъ. Кутеповъ смѣется изъ самаго нутра. Онъ смѣется широкой, мягкой складкой на затылкѣ и покрякиваетъ съ хрипцой.

— Браво, браво . . .

А на узенькой эстрадкѣ уже выстроился бѣлый хоръ. Здѣсь всѣ бѣлые, всѣ въ ослѣпительныхъ щегольскихъ рубахахъ, у которыхъ рукава перехвачены длинными обшлагами, какъ носили въ арміи при царѣ Александрѣ III. О полдень, когда солнце жарко лежѣтъ бронзовыя спины, я видѣялъ, какъ стираютъ эти рубахи на берегу моря . . .

Хоръ выстроился. Свѣчи снизу освѣщаютъ лица и отсвѣты ихъ блестаютъ въ широко раскрытыхъ темныхъ глазахъ. Точно слезы остановились въ глазахъ у пѣвцовъ.

Поютъ „Часового“. Темный сарай затихаетъ, ровно вздохнувъ съ первымъ вздохомъ Корниловской солдатской пѣсни.

Стоитъ на часахъ часовой. Онъ усталъ, онъ голоденъ, онъ одинъ... „Слышишь ли, ночь, я одинъ? И ночь отвѣчаетъ глубокимъ дыханіемъ: „Слышу“. И въ дыханіи ея поютъ далекіе отголоски „Коль Славенъ“, смутно бряцаютъ боевые марши и летить волнующей шелестъ старыхъ знаменъ.

Поетъ часовой, что онъ голоденъ, усталъ, но онъ не окустить винтовку, не уйдеть онъ съ поста. „Слышишь ли ночь?“

И отвѣчаетъ ночь глубокимъ дыханіемъ: „Слышу“. И въ отвѣтѣ ея шопотъ вѣтра въ просторахъ полей, тихій гулъ колоколенъ, шелестъ пашень и пѣнье „Коль Славенъ“.

У Кутепова шевелятся короткіе солдатскіе пальцы, поглаживающіе колѣнн. Въ душномъ сараѣ проносится горячій трепетъ дыханія и подъ его порывомъ стелять свѣчи жгутные языки. Влажныя блистаниія свѣчей въ темныхъ глазахъ пѣцовъ.

На дворѣ, въ синеї мглѣ, красными точками мелькаютъ папиросы. Шпоры звякаютъ застѣнчиво и легковѣко. Расходятся, чуть свѣтясь, бѣлые рубашки.

Я иду съ профессоромъ Даватцемъ. Есть такой приватъ-доцентъ математики, что изъ Харькова простымъ солдатомъ пошелъ на бронепоѣздъ. Теперь онъ артиллерійскій поручикъ.

Даватцъ въ мѣшковатой рубахѣ, худой, съ узкимъ породистымъ лицомъ, съ сѣдѣющей, стриженою головой. Простые офицеры надѣ нимъ добродушно подсмѣиваются: „Дернулъ разъ шнуръ у боевой пушки и погибъ, иомъшался отъ любви къ арміи“.

Даватцъ — тихій фанатикъ. Это — жрецъ арміи и его армейская служба — не служба, а какая то тихая літургія. Онъ самъ разсказывалъ, какъ болѣла разъ у

чего голова. Нестерпимо болѣла, въ тотъ день, когда въ лагерь приѣхалъ генераль Врангель.

День былъ глухой и сѣрый. Высокій, тощій, какъ жерль, Врангель щель съ мола и вдругъ прорвалось солнце, засвѣтило солнечнымъ золотомъ пыль.

— Я посмотрѣлъ на Главнокомандующаго и у меня, знаете, головной боли какъ, не бывало . . .

Профессоръ снимаетъ очки и вижу я его глаза, голубые, чистые, влажные, точно въ прозрачной и легкой новолокѣ слезъ. Мы идемъ, разговаривая вполголоса.

— Меня фанатикомъ называютъ, энтузіастомъ. А я говорю, что у меня, какъ у всѣхъ, никакого энтузіазма нѣтъ.

Безъ энтузіазма, поругиваясь, нестерпимо уставая, несутъ опротивѣвшіе наряды и работы.

Безъ энтузіазма, размѣстясь на сваленныхъ грудой камняхъ, по выжженными пустырямъ, называемыи военными школами, чертятъ на ржавыхъ кускахъ же лѣза траекторіи и проекціи.

И, конечно, безъ энтузіазма читаютъ новые приказы генерала Кутепова. Они идутъ на все и терпѣть все не потому, что боятся Кутепова, а потому, что хотятъ такъ идти и терпѣть. Они знаютъ, что только такъ и черезъ это будетъ жива армія, они знаютъ, что только такъ донесутъ до Россіи свое знамена, пронесенный въ вѣкахъ сквозь кровь и огонь, черезъ пораженія и побѣды. Такова ихъ воля: молча терпѣть.

Въ міру, за Галлиполи, никто и не подозрѣваетъ, что передъ тысячными солдатскими толпами, читаются здѣсь разбитныя газетныя небылицы. И кто знаетъ, не Штабъ ли въ своихъ цѣляхъ разрисовалъ чернымъ, чертомъ Галлиполи передъ Парижемъ и Прагой.

— Тамъ заняли лживую позицію, тамъ дѣлаютъ непоправимую ошибку незнанія. — потирая задонью глаза, тихо говорить мнѣ Даватцъ. — Тамъ думаютъ, что Галлиполи построено на обманѣ и палкѣ, а мы

живы, только внутреннимъ сознаниемъ своей надобности и нѣть у насъ ни палки, ни обмана, а правда и дисциплина.

Я смотрю сбоку на чутъ выпуклые, близорукіе глаза приватъ — доцента отъ артиллеріи. И вспоминаю его наивный разсказъ о головной боли и о Врангельѣ.

О Врангельѣ въ арміи говорять мало. Врангельѣ, въ арміи, выше ея. О Врангельѣ же говорять какъ о Командующемъ. Для Галлиполи онъ выше Командующаго. За синей линіей моря, гдѣ идутъ рядами, томительно шумя, бѣлыя дорожки пѣни, тамъ передъ всѣмъ міромъ Врангель одинъ стоитъ за Россію и ея армію.

Разъ вечеромъ подошли ко мнѣ на улицѣ двое солдатъ. Оба пожилые, обсохлые и загорѣлые до черноты. Одинъ свѣтлоусый, а другой съ козлиной темной бородкой. Свѣтлоусый, въ синихъ погонахъ съ бѣлой полоской ефрейтора, внимательно оглядѣлъ мой помятый, сѣрый штатскій костюмъ и сказалъ несмѣдо:

— А мы у васъ спросить хотимъ... Вы изъ Константинополя прѣѣхали?

— Да.

— Ну что, какъ тамъ?

— Да что же, плохо.

Постояли. Свѣтлоусый почесалъ переносицу и кашлянуль, точно собираясь признаться въ чемъ-то очень интимномъ и потому конфузливомъ.

— Знаемъ, что плохо... А генераль Врангель какъ доживаетъ?

— Насколько знаю, живъ, здоровъ.

— Ну такъ-то. Чтобы здоровъ былъ, дай ему Богъ... А то слухи пущаютъ.

Отмахнули мнѣ честь и тронулись отъ меня оба вмѣстѣ.

Во Врангеля, какъ видно, влюбленъ не только харьковскій приватъ-доцентъ и это общее чувство иначе-

не назвать, какъ мягкой и бережной влюблённостью, сквозящей во взглядахъ и улыбкѣ, когда они говорятъ о Врангель... Есть въ Галлиполи узкоколейка, проложенная русскими руками отъ лагеря въ городъ для подвоза продуктовъ. Двѣ ржавыя полоски реальст проягли въ сѣдомъ бурьянѣ, переваливаются черезъ песчаные накаленные солицемъ откосы. Русскіе строители выбрали профиль местности удачно: въ лагеря низкія, скрипучія и ржавыя площадки тянуть лошадьми, а изъ лагерей площадки бѣгутъ сами подъ уклонъ. Часто, правда, такъ бѣгутъ, что вывертываются съ реальст...

Пріѣзжала въ лагеря жена Врангеля. Худенькая, похожая на англійскую миссъ, очень веселая и живая, со сверкающей бѣлой улыбкой. Бхала она вагонетками. На узкоколейкѣ, гдѣ есть въ голомъ полѣ стоянки „Дрозды“ и „Корниловцы“, есть особые коменданты станцій. Одній изъ нихъ, передъ самымъ городомъ, когда вагонетки застопорились, рапортуетъ начальнику движенія:

— Имѣю честь доложить, что на вѣренномъ мнѣ участкѣ никакихъ происш...

Баронесса легко спрыгиваетъ съ площадки и, смигаясь, оглядывается молодого офицера.

— Типунъ вамъ на языкъ. Какъ разъ передъ вашей станціей нашъ поѣздъ потерпѣлъ крушеніе: вагонетка перевернулась.

Объ этомъ случаѣ рассказываютъ съ радостной усмѣшкой, какъ влюбленные.

Армія любить Врангеля. Армія знаетъ, что Врангель ея одинокая стѣна передъ всѣмъ міромъ.

А широкоплечій и крутой Кутепъ-паша въ самой армії. Это ея нарѣзной винтъ, ея крутой и крѣпкій пементъ.

Въ Кутепъ-пашу не влюблены, но Кутепъ-пашу теперь понимаютъ и крѣпко уважаютъ. Понимаютъ въ Галлиполи, что Кутепъ-паша не самодуръ и не лахачъ, а вѣрный, неуклонный русскій солдатъ.

Онъ твердо сжимаетъ свои желѣзныя перчатки. Когда онъ обдумаетъ и отрѣжетъ: дѣло конченое.

У него скопленный, гибвый лобъ, сощуренные, пристальные глаза, и неловкая, но упругая походка. Это сильный человѣкъ, не знающій сомнѣній. Онъ не любить словъ, потому, что считаетъ слова ложью и потѣхой болтуновъ.

Онъ думаетъ, вѣроятно, что рослый гвардсепъ въ медвѣжьей шапкѣ болѣе нуженъ Россіи, чѣмъ болтуны со скамей конвента.

Онъшелъ по крови. Онъ и въ атакахъ подъ огнемъ шагалъ такъ же упруго и впередвалку. Онъ рубить въ щепья. Вистѣлицъ не боится. Смертной казни во время войны онъ отмѣнять не будетъ.

Онъ лютой и рѣшительный солдатъ, изъ тѣхъ лютыхъ солдатъ, что дѣлаютъ человѣческую исторію. За нимъ чудится зарево пожарищъ, черная эмбѣ штурмовыхъ цѣпей и грохотъ канонады и гулъ колоколовъ . . .

Онъ всегда спокоенъ и всегда чуть насыщенъ. И въ насыщенности его много солдатской крутой сози.

Какъ-то французскій представитель вдругъ официально увѣдомилъ генерала Кутепова, чтобы онъ не беспокоился, если будутъ произведены примѣрные боевые маневры французскимъ войскамъ. Генералъ официально отвѣтилъ.

— Я не беспокоюсь, но необыкновенное совпадение: у меня тоже завтра маневры въ боевомъ снаряженіи; не беспокойтесь и вы.

И на завтра галлиполійскія юнкерскія училища и техническій полкъ вышли въ занятія съ винтовками и пулеметами. Кутеповъ на свое мѣсто постоитъ. Это все знаютъ.

Въ самые суровые дни Галлиполи, въ дни бразильскихъ посоловъ, въ дни, когда гудокъ „Решидъ-Гаши“ манилъ роднымъ домомъ, въ дни когда чер-

ныя дѣти прекрасной французской республики расклевали приказы, чтобы русскіе солдаты не подчинялись своимъ командирамъ и въ дни приказа о выходѣ всѣхъ желающихъ изъ арміи — былъ покой и чутъ насыщили Кутепъ-паша.

Его короткіе солдатскіе пальцы слегка вздрагиваютъ и онъ, волнуясь, блѣдишись, широко втягивая воздухъ раздутыми ноздрями; только тогда, когда проносятъ передъ нимъ истрепанныя свернутыя русскія знамена

Онъ и теперь сидитъ у себя, суровый Кутепъ-паша, на верху, въ маленькой, похожей на каюту, штабной пріемной, куда надо взбираться по крутой, свѣже выструганной, лѣсеникѣ и, можетъ быть, подписывая приказъ, щуритъ пристальные, черные глаза на коменданта:

— Много у васъ на Губу? Ну, давайте сажать...

Бѣлые птицы.

Зной.

Небо заволокъ по краю темный дымъ зноя. Хоть бы мелькнуло бѣлой пушинкой облако въ безжалостной, горящей пустынѣ неба.

У сѣраго, низкаго дома Русскаго Штаба, гдѣ по стѣнамъ расклеены писанные на гектографѣ липовые приказы и зажелѣльные отъ жары, покоробленные листы „Общаго дѣла“, молча топчется кучка бѣлыхъ рубахъ. Сапоги пыльны. Пропотѣлые рубахи льнутъ на спинѣ къ лопаткамъ темными мокрыми пятнами. Газеты читаются молча. Водятъ по строкамъ усталымъ, темнымъ и тяжелымъ взглядомъ.

Нѣмая жара. Побѣдѣль подъ небесной синей пустыней Галлиполи. По бѣлой улицѣ у штаба клубить облако пыли. Идуть съ работой солдаты: сгружали французскіе консервы въ порту.

Обиотки въ пыли, смокшія рубахи разстегнуты
по вороту. Идутъ, глухо и ровно топоча ногами, и вы-
шибаютъ шагомъ, какъ стадо, лѣнивыя, сѣрыя струйки
пыли. У всѣхъ обсохлыя, темныя отъ загара лица и
у всѣхъ темны и усталы глаза. Звякаютъ жестяный
манерки при каждомъ шагѣ:

— Мы устали . . . Устали . . . Устали . . .

Темная усталость въ каждомъ взглядѣ. Здѣсь не
смѣются громко. Здѣсь не слышно говора во весь го-
лосъ, окрика, звонкихъ, какъ затрешины, ругательствъ.

Обсохлы, коричневые, обтянутые лоснящейся ко-
жей, лица и горячая усталость во взглядѣ. Они очень
устали. Они воины; они жили, какъ игроки за сум-
ашедшимъ карточнымъ столомъ гдѣ ставки ставила
смерть. Они жили, какъ на смутномъ маскарадѣ, какъ
въ дьявольской панорамѣ, гдѣ пролетали скачущей
путаницей бульвары городовъ, гулкіе вокзалы, теплушки
эшелоновъ, деревни, проволочные загражденія, мокрыя
поля . . . По горамъ, по доламъ — нынче здѣсь, зав-
тра тамъ.

Орель, Кіевъ, Новороссійскъ, Ростовъ, Царицынъ,
Харьковъ, Симферополь. Перевернутыя задранныя пуш-
ки. Разгромленные въ щепья красные вагоны. Чер-
нокрасные клубы пожаровъ, повисшіе надъ степными
деревнями. Мѣсибо человѣчины въ угольныхъ ями-
щахъ пароходныхъ трюмовъ . . . Нынче здѣсь —
завтра тамъ.

И вотъ, точно Іисусъ Навинъ внезапно приказалъ
стать солнцу. И вотъ, стоитъ одинъ долгій палящій
день. Солнце больше не заходитъ. Зари не жди. Синяя
пустыня неба, бѣлая пыль и томительный шумъ бѣлой
пѣни въ синей пустынѣ моря.

Но это-же пройдетъ, вотъ это: Кутеповскіе при-
казы, опротивѣвшіе наряды, сѣрые консервы съ чер-
вями и черная похлебка и жалящая пыль и голодная
тоска и сухой полушелестъ-полусвистъ выгорѣлаго ко-
лючаго репья . . .

Скоро пройдетъ, завтра пройдетъ. Пойдутъ въ Россію; генералы обѣщали черезъ два мѣсяца. На Батумъ пойдутъ, двинутся въ Сербію, въ Болгарію, въ Сибирь. Оркестры, радостно блестая, ударятъ походные марши... Но палящій день все стоитъ. И мѣсяцъ стоитъ палящій день и два и полгода. Завтра не бываетъ. Солнце больше не заходитъ. Не звучить свѣжая заря.

— Мы устали... Устали... Устали..., — звякаютъ солдатскія манерки. — Но мы ждемъ, мы ждемъ, мы ждемъ.

Солдаты прошли, метя за собой, какъ стадо, пологъ пыли.

Сонно покачивая сѣдоватыми сѣрыми мордами идутъ гуськомъ два вислоухихъ ослика. Они несутъ длинныя жерди, межъ которыхъ чуть покачивается холщевой гамакъ. Ослика хлопаетъ палкой по крутому тощему заду милосердная сестра, — бѣлая, простоволосая, и въ стоптанныхъ туфляхъ на босу ногу. Медленно, покачиваясь, прядя ушами и легонько переступая маленькими копытцами, ослики старательно несутъ гамакъ. Подъ бѣлой простыней вытянулось узкое тѣло съ запалымъ животомъ. Солнце маслянистымъ и тусклымъ пятномъ горитъ на бронзовомъ лбу. Это вѣроятно тифозный...

Ходить дизентерія въ бѣлыхъ лагеряхъ. Брюшной тифъ поднялся отъ высохлой и глинистой лагерной рѣчки и пошелъ шагать по палаткамъ россійской гвардіи. Москитная лихорадка, яростная галлиполійка, бросаетъ мгновенно людей на койки. Люди горятъ, обсыхаютъ потемнѣлые губы. Въ глазахъ темный дымъ жара. Люди не выживаютъ отъ тифа. Люди, захваченные эпидеміей дсгораютъ мгновенно безъ силъ, безъ борьбы. По лагерямъ бродитъ туберкулезъ.

Россійского сыпняка нѣть, потому что здѣсь нѣть вшей. Всѣ держатъ чистоту, исподнее стираютъ, какъ заправскія прачки. Когда Кутеповъ навѣщаетъ полкъ,

или учѣнище бывають такіе его разговоры съ юнкерами и солдатами:

— Снимите-ка гимнастерку . . . Покажите подштанники, рубаху . . . Хорошо, чисто. А теперь развинтите обмотки, — покажите портянки . . .

Чистятся. Моютъ. И иѣть здѣсь россійскихъ вишей.

Но лагерн устали отъ лихорадокъ, но лагерн голодаютъ. Девять мѣсяцевъ медленнаго хмураго голода. Каждый день аспидно-сѣрыя жесткія волокна консервовъ и черная похлебка, гдѣ можно насчитать штукъ пятьдесятъ набухлыхъ водянистыхъ фасолинъ. Весь дневной паекъ можно ухватить одной горстью. Говорятъ, что особая комиссія изъ иностранныхъ врачей осматривала паекъ и признала, что слишкомъ мало для взрослого человѣка на день:

Хлѣба — до 1 фунта.

Крупы — $\frac{1}{4}$ фунта.

Консервовъ — $\frac{2}{3}$ фунта.

Жировъ, сахара, соли по $\frac{1}{20}$ фунта.

Мало хлѣба. Когда его рѣжутъ на пятерыхъ или шестерыхъ, одинъ ложится на койку и отвертывается къ стѣнѣ, а его спрашиваютъ:

— Кому?

Зажмуривъ глаза, называетъ тотъ имена. Хлѣбъ идетъ въ долю, поровну и голодной жеребьевкой достается удачнику лишняя краюшка.

День расписанъ. Идутъ часы занятій, а свободные отъ нихъ люди, на раскаленномъ бѣломъ пескѣ, у моря, лежать съ утра, нагишомъ. Обугленные солнцемъ люди лежать какимъ то темно-золотымъ путаниемъ узоромъ по бѣлому берегу. Купальщики гикаютъ и ныряютъ какъ тюлени. Купальщики мечутъ ослѣпительный блескъ брызгъ. Лежишь, раскинувъ руки и ноги. Солнце жарко лижетъ тѣло горячими языками. Грустно воркуетъ полдневный рожокъ въ казармахъ сенегальцевъ. Смотришь сонно, сквозь сол-

нечную одурь, какъ качается за бѣлой стѣной песка темное море, какъ купальщики плещутъ сіяя брызгами, смотришь на этихъ рослыхъ, въ темной, солнечной позолотѣ людей и думаешь, что они всѣ русичи, всѣ солицевы внуки . . .

А горячая дрема пеленаеть. Съ утра, когда волны отъ работъ и нарядовъ, лежать на бѣломъ берегу. Въ горячей дрѣмѣ проходитъ день, какъ сонъ, и голода не слыхать въ солнечной одури. Отъ голода и лежать, чтобы къ вечеру разомъ проглотить паекъ, что можно весь ухватить одной горстью.

Хотѣли было рыбу ловить артелями для армейскаго котла, но Франція запретила воды для ловли. Волокнистыхъ консервовъ не жуютъ больше зубы и тошно хлебать темную горячую воду съ разбухлой фасолью. Тошно.

Въ лагеряхъ ходитъ голодная цынга. У русскихъ дѣтей и женщинъ босыя ноги часто обверчены уши-колотокъ марлевыми бинтами. На бронзовыхъ спинахъ, на рукахъ, по ногамъ — пролегли сизыя, широкія полуязвы, точно пятна пролежней. Отчего? Говорятъ отъ селитры. Въ консервахъ селитра и отъ нея эти селитрянныя пятна.

— Мы селитрой питаемся, такъ и говорятъ въ Галлиполи.

Ребятамъ и женатымъ полегче. Живой на ноги, черноглазый, всюду поспѣвающій земско-городской представитель Рѣзниченко подкармливается обѣдами малосильныхъ и ослабѣлыхъ, выдавъ за шесть мѣсяцевъ работы четырехъ „питалокъ“, больше 120 000 обѣденныхъ поршій. У порта, въ узенькой улицѣ, въ пыльномъ, загроможденномъ ящиками сараѣ прибить къ стѣнѣ маленький выгорѣлый звѣздный флагъ Американской Республики и ходить тамъ заложивъ руки въ карманы добрый звѣздный дядя. Высоченный дядя, этотъ бритый и костлявый американскій

казитаръ, чуть подрыгивающій, вѣроятно гдѣ нибудь простиренной, лѣвой ногой, всегда веселый и всегда посвистывающій.

Отъ звѣзднаго дяди пробираются въ лагеря шерстяные одѣяла, бумазейная пижамы, пущистая распашонки, шарфы, сладкое молоко, какіе-то чудные канадскіе паштеты и игральные карты и даже бритвенные помазки.

Что нельзя съѣсть — то перегоняютъ грекамъ па помидоры, дыни и хлѣбъ. Высоченный дядя знаетъ про это, но только весело посвистываетъ, глубоко заложивъ длинныя, какъ волосатыя оглобли, руки въ карманы штановъ.

Нечего добавить къ пайку. Развѣ что выйдутъ по вечеру съ удочками на камни ловить серебристую макрель и кефаль. Развѣ что нажгутъ угля и продаютъ мѣшокъ въ городѣ за 5—6 драхмъ. Сильно пали цѣны на уголь въ Галлиполи . . . Уголь жгутъ по чернымъ кустарникамъ, верстахъ въ двѣнадцати отъ лагерей. Въ жару опаляютъ себѣ лица надъ кострами, царапаютъ въ кровь руки колючими зарослями. И въ жару усталые и черные, какъ черги изъ пекла, тянутъ за двѣнадцать верстъ мѣшки на базарь. А передъ этимъ, можетъ быть, ночь стояли на дневальствѣ и, безсонные, пошли корчевать . . .

Въ Галлиполи не говорятъ о голодѣ. Они не хотятъ признаться, что голодаютъ и если спросить ихъ, они отвѣтятъ:

— Да, конечно голодновато, а главное ужъ очень однообразно . . .

Они подсмѣиваются надъ голодомъ, также какъ и надъ Губой. Ходить даже пѣсенка:

Подъ знойнымъ небомъ Галлиполи,
Гдѣ лагеря бѣлѣютъ въ полѣ,
Распухли люди отъ фасоли.

А когда въ Галлиполи ходили слухи, что пайка давать не будуть, всѣ какъ то повеселѣли и любопытничали:

— Вотъ интересно, что же изъ этого выйдетъ?

Они шагнули и черезъ голодъ, такъ же какъ шагнули черезъ Губу, черезъ желѣзный блокъ и желѣзныя перчатки дисциплины.

И когда въ Галлиполи услышали, что голодаетъ Россія, когда запрыгали телеграммы о миллионныхъ толпахъ, сдвинутыхъ голodomъ съ Поволжья,—точно по уговору, по всѣмъ полкамъ и батареямъ порѣшили безъ разговоровъ отдать свой однодневный галлиполійскій паекъ голодной Россіи ея русскіе бѣлые лагери..

Въ лагері отъ штаба дорога прямая, по выжженнымъ золотымъ полямъ, у вѣтряковъ, вдоль каменистаго берега, гдѣ сквозятъ дали Дарданелль, ниже и ниже въ бурую, узкую долину, надъ которой сдвинулись синей, волнистой каймой задумчивыя горы.

Сърой тропинкой вьется по долинѣ выпитая знемъ рѣчка. Это долина смерти и розъ, это галлиполійскіе лагери.

Длинные, бѣлые ряды палатокъ. Точно бѣлые птицы легли рядами другъ подлѣ друга, свернувъ бѣлые крылья.

Въ холщевыхъ стѣнкахъ палатокъ маленькия окошки съ холщевой рамой крестъ-накрестъ. У палатокъ тщательно утоптанныя, узкія тропинки, песчаные квадраты площадокъ, пыльные, выгорѣлые цветники на каменныхъ газонахъ и сѣрые полковые вензеля и двуглавые орлы, сложенные изъ морскихъ галекъ. Далеко, межъ бѣлыхъ шатровъ, темно зеленѣютъ круглые луковицы-маковки полковой церкви гвардейской артиллериі. Зеленая церквушка, изъ вереска и платановъ, уже тронута желтизной, уже вянеть и осыпается, но еще такъ зелено и такъ радостно сквозятъ въ синевѣ надъ бѣлыми шатрами русскія маковки.

За сърой рѣчкой, надъ обрывомъ высится каменное строение корпуснаго театра, гдѣ изуть воскресные лагерныя собранія.

Стоитъ на долинѣ, какъ часовой, раскидавъ тяжелую чашу вѣтвей, одинокій древній и тихій платанъ у палатки генерала Витковскаго. А кругомъ тянутся бѣлые церкви, бѣлые театры, бѣлые солдатскіе дома. Тянутся бѣлые, черезъ рѣчку, тѣсняться къ синимъ горамъ. Бѣлые птицы легли другъ подъ друга подолинѣ, свернувъ бѣлые крылья.

Странный зодчій построилъ странный городъ въ долинѣ смерти и розы. Подъ бѣлыми птицами живутъ бѣлые солдаты: артиллерія и пѣхота, молодая гвардія, дрозды, корниловцы, марковцы и алексѣевцы, и сводный гвардейскій батальонъ старыхъ С-Петербургскихъ семеновцевъ, измайловцевъ, павловцевъ.

А за рѣчкой у бархатистыхъ синихъ горъ, спать бѣлые птицы-дома русской кавалеріи.

Тихій городъ въ долинѣ, гдѣ дышать тридцать тысячъ людей. Призрачный русскій городъ у синихъ галиполійскихъ горъ.

Вдоль палатокъ, по передней линейкѣ, на узенькой желтой тропѣ, врыты столбы, крытые напокать соломой, точно легкіе соломенные зонты. Это стоянки полковыхъ часовыхъ.

Вдоль палатокъ, за передней линейкой, на желтыхъ исцарапанныхъ метлами площадкахъ есть и еще соломенные шатры: На четырехъ высокихъ жердяхъ постелена золотая пшеница. Чуть шевелятся длинные, ломкіе концы, шуршать, а подъ соломенными шатрами, въ тѣни, спать склоненный, завернутый ѿ чеклы русскія знамена.

Знамена молодыхъ дроздовъ и корниловцевъ и полковыя знамена россійской гвардіи. На древкахъ потѣлые обрывки парчи и, тяжко струясь по дрѣвкамъ, свисаютъ внизъ тусклыя знаменныя кисти.

Стоять несмѣннымъ карауломъ, ночью и днемъ,
часовые у спящихъ знамень Россіи...

Серебристый полусвѣтъ въ полковыхъ холщевыхъ
церквахъ. Глиняный поль, жестянныя паникадила, сбі-
тыя и слитыя изъ консервныхъ банокъ, аналой, засте-
ленный шитымъ въ красную строку деревенскими по-
лотенцемъ. Съ низкихъ и приземистыхъ алтарныхъ
створокъ смотрятъ святые. Свѣтятся серебромъ сѣдые
кудерки бородъ и нимбы. Глаза огромны, сини и
смотрятъ свѣтло и печально.

На алтарныхъ дверяхъ Архангель Гавріяль, въ ба-
гряномъ плащѣ, несетъ бѣлую лилію, а ангельскій ликъ
блѣденъ и строгъ и вѣтъ вѣтеръ назадъ каштановыя
кудри со свѣтлаго лба.

Отвориши алтарную дверку, а сзади подоганы
струганныя дощечки съ консервныхъ ящикovъ, — под-
рамникъ, на который, натянуль бурую холстину отъ
мѣшка невѣдомый и нѣжныи живописецъ. На колѣщѣ
такъ и остались черныя французскія буквы С.—О. и
длинный номеръ 48352...

Серебристъ полусвѣтъ и въ полковыхъ палатахъ.
Плетеная изъ коричневатаго кустарника койки засте-
лены сѣрыми одѣялами. У коекъ самодѣльные столики
и хрупкія дощечки полокъ. И вдоль всей палатки обя-
зательно прямая нитка дорожки, посыпанная желтымъ
пескомъ.

Въ бѣлыхъ палатахъ офицеры и солдаты спятъ
вмѣстѣ, койка къ койкѣ. Въ бѣлыхъ палатахъ одина-
ковая черная похлебка и сѣрые консервы для всѣхъ.
Въ свое офицерское собраніе корниловцы приглашаютъ
по воскресеньямъ въ гости солдатъ. На футбольномъ
полѣ, гдѣ стоять въ дни полковыхъ матчей, го-
няютъ кожанный мячъ вмѣстѣ съ солдатами генералы.
Въ этомъ городѣ бѣлыхъ птицъ, у пшеничныхъ шат-
ровъ, гдѣ стоять безсмѣнныя караулы подѣ знамень;
— все идетъ тихою поступью и на особую тихую стать...

Солдаты, въ бѣлыхъ рубахахъ съ красными поясами и въ бѣлыхъ каргузахъ, вродѣ тѣхъ кэпн, что носятъ при Скобелевѣ, унтеръ-офицеры старыхъ срока, службы и куриосая мужицкая молодежь, и сѣдые гвардейские знаменщики, помявшіе еще царя Александра III, и офицеры, — тонные петербургскіе гвардейцы и ларковскіе гимназисты, конторщики изъ Киева и ростовскіе студенты, русскіе аристократы и усатые русскіе вахмистры изъ калужскихъ мужиковъ, произведенные въ поручики и въ полковники.

Живутъ вмѣстѣ. Бдятъ вмѣстѣ. Думаютъ вмѣстѣ. Знаютъ каждый жестъ, каждую привычку сосѣда. Знаютъ другъ друга до глубины, до постѣдняго нерва. И въ каждомъ — частница другого. Они причастились другъ друга. Они дышать, какъ одно.

Они бы разошлись. Они бы разбрѣжались, поваляли бы землами въ Бразилию, въ Аргентину, въ Совдепію, куда угодно, къ черту, — если бы не слило икъ въ одво и назасегда принятое ими молча тихое галиполійское причастіе.

Въ бѣломъ городѣ птицъ иѣть калужскихъ мужиковъ, иѣть Ивановыхъ и Петровыхъ, иѣть вчерашнихъ краснозармейцевъ изъ подъ Орла и добровольцевъ изъ Царицына, иѣть гусаръ, иѣть учителей гимназій и конторщиковъ. Въ бѣломъ городѣ — бѣлые солдаты. Они солдаты, они дрозды и марковны, гвардейцы и кавалеристы, генералы и поручики, бомбардиры и єфрейторы. Они бѣлые солдаты, они не мужики и не баре, не бѣженцы и не эмигранты.

Они русскіе солдаты и они ждутъ, когда будетъ Россія.

Они знаютъ, что Россія будетъ и они ждутъ инесутъ несмѣнныій карауль у ея свернутыхъ знаменъ.

Тишина въ бѣломъ городѣ... У всѣхъ печалень и у всѣхъ свѣтель взглядъ, какъ у святыхъ на алтарныхъ створкахъ. И въ говорѣ, и въ манерахъ у всѣхъ

какая то особая, чуткая вѣжливость. Таکая тиха и пѣжная вѣжливость бывает у счень интеллигентныхъ людей и еще у монаховъ.

— Странно и чудесно здѣсь, — говорить мнѣ мой собесѣдникъ, сухонькій веснушчатый полковникъ, съ рыжими, щекеляющимися бровями.

Мы стоимъ съ нимъ у маленькаго оконца въ палаткѣ генерала Витковскаго.

— Я сюда пріѣхалъ изъ Гречіи, — говорить солдатъ. — Тамъ, какъ всѣ, думаль, что арміи нѣть, что она умерла, а увидѣть здѣсь что-то новое и странное. Я не могу еще понять, что это . . . Въ Галлиполи произошла какая то мобилизациѣ человѣческаго духа. Здѣсь одна идея: Россія жива, Россія не опочила, Россія будетъ и, мы, русскіе солдаты, должны служить ей, гдѣ бы ни стояли наши полки: въ Галлиполи, въ Болгаріи, въ Африкѣ. Хватить духа — служи, значитъ ты русскій солдатъ. И служатъ. Я смотрю на нихъ и мнѣ чудесно, и странно. Ну, мы, офицеры — еще понятно, а есть солдаты, есть вчерашия красноармейская темнота. Я не узнаю ихъ. Такихъ не было ни при царѣ, ни въ революцію, ни въ гражданской войнѣ. Ну, какъ бы вамъ пояснить... Ну, — вспомните хотя бы русскія стоянки, вспомните русскіе окопы, обязательно заваленные нечистотами черезъ край. А здѣсь какъ то особенно тщательно смотрятъ за собой, чистоты ищутъ, уборныхъ понастроили. Здѣсь пуританская чистота нравовъ. Подъ лагерями, въ палаткѣ, живетъ проститутка, жирная гречанка. Къ ней каждый день — заходятъ сенегальцы. А наши же ходятъ, никто, только отплевываются. Вы посмотрите, какой бѣлоснѣжной чистоты они рубахи носятъ. Они чистоты ищутъ. У нихъ душа обнажилась, чистая душа . . . Ну, вы возьмите хотя бы, что у насъ больше россійской матерщинѣ не слышно, богохульствъ и солдатскаго. Вы посмотрите, какъ они въ церкви моются,

какъ газету устную слушаютъ. Они одной головой живутъ: Россія жива и Россія будетъ и ей должны служить, потому что она жива и потому что будетъ. Насъ тридцать тысячъ, ии горсти родной земли — и старые знамена, и старые командиры. И я все думаю, съ чѣмъ бы сравнить насъ. Военная исторія не знаетъ такой арміи . . . Развѣ что суровые и тихіе полки Оливера Кромвеля.

Я смотрю въ низкое оконце на ровный пустырь долины, гдѣ бѣлѣютъ легкіе ряды птицъ до синихъ горъ. И чудится мнѣ на мгновеніе, что вижу я сонъ. И во снѣ вижу я бѣлые русскіе лагери, можетъ быть Севастопольской обороны, можетъ быть на пустыряхъ Санъ-Стефano, можетъ быть подъ Геокъ-Тепе.

Серебристъ полусвѣтъ и въ палатѣ генерала Витковскаго. Какъ войдешь — досчатый столъ, гдѣ разложены военныя карты и зеленые папки дѣль, а за бѣлой занавѣской другой досчатый столъ — это генеральская столовая. На полотняной стѣнѣ образъ: сѣдой святитель въ малиновыхъ ризахъ съ голубымъ омофоромъ.

Генераль Витковскій, невысокій, мягкой поступи человѣкъ, съ маленьими, бѣлыми руками, въ легкихъ вѣточкахъ голубыхъ жить. У него сѣдѣющая, русая голова и выбритъ до синевы его круглый подбородокъ, а глаза светлые и стальные, съ бѣлыми клинками холодныхъ зрачковъ. И отъ его лица, и отъ мягкой поступи, и отъ бѣлыхъ рукъ вѣтеть монашеской чистотой.

Генераль Витковскій, о холодномъ безстрашіи и о неспѣшныхъ прогулкахъ котораго подъ прямой народкой, въ огнѣ, знаетъ вся армія — пьетъ тихими глоточками изъ бѣлой, хрупкой чашки желтый чай. Онъ пьетъ чай съ сушенымъ черносливомъ и мягко говорить мнѣ:

— Вы его въ чашку положите. Вкуснѣе. И отъ жедудка помогаетъ.

Безстрашный генераль, колодный храбреть, подвигаетъ ко мнѣ бѣлой рукой блюде съ черносливомъ и мягко поддерживаетъ разговоръ.

— А я въ Константиополѣ такъ и не былъ. И быть тамъ желанія не имѣю.

Въ бѣлой тишинѣ палатки я точно въ бѣлой монастырской кельѣ. И точно, когда то давно, — въ сѣверномъ нашемъ монастырѣ, вотъ такъ же мягко утѣшать меня черносливомъ мягкой, тихой монахъ.

Я смотрю на маленькие чуть даже женственные пальцы генерала и мнѣ кажется, что въ сумеркахъ, когда поютъ вечернюю зорю, онъ шепчетъ своему святителю въ малиновыхъ ризахъ съ голубымъ омофоромъ сокровенные молитвы и креститъ быстро грудь пугливыми, легкими крестиками. Я думаю, что такие же какъ онъ, тихіе, монашеской чистоты, капитаны Долгаго Парламента и лордъ-протектора Оливера Кромвеля ходили въ огонь съ библейскими полками круглоголэвыхъ пурitanъ, носившихъ псалтири подъ кожанными колетами.

У генеральской палатки, подъ темнымъ сторожемъ-платаномъ, стоитъ часовой, сабля на-голо. И когда выходитъ генераль, часовой дергаетъ плечомъ и сабля мгновенно высовркиваетъ и гаснетъ.

Надъ бархатистой синевой горъ догораетъ, въ золотистыхъ дымахъ, багряный океанъ заката. Огненная копья солнца меркнутъ. Рушатся громады облачныхъ башень. Отъ синихъ горъ, въ багряный океанъ, подымается все выше и выше, какъ приливъ, синяя вечерняя тишина.

Трубачъ поетъ вечернюю зорю.

Я его вижу. Онъ стоитъ далеко синей тѣнью. Поляхаетъ на мѣди трубы золото заката. Трубачъ поетъ вечернюю зорю, высоко подымая трубу на четыре стороны свѣта.

Зоря зоветъ кого то изъ за горъ, изъ вечерней дымной дали. Подымается короткими криками. Точно птица бьеть багряными крыльями, порываясь летѣть на закатъ.

Я ее вижу, четкую, синюю тѣнь трубача. Поляхаетъ на мѣди багрянецъ. И не знаю я, о чемъ поетъ и како кличетъ со всего свѣта синий трубачъ. Иду тихо къ бѣлымъ палаткамъ Дроздовъ. Передо миой, по песку тропы движется моя длинная, вечерняя тѣнь.

Въ палаткѣ молодыхъ генераловъ, Манштейна и Туркула, сѣрый полуснѣгъ. Палатка глубоко ерыта въ глинистую землю и надо сходить три-четыре земляныхъ ступенекъ внизъ. Въ палаткѣ влажный холодокъ погреба.

Досчатый, непокрытый и длинный, какъ гробовая домовина, столъ вдоль палатки. Посреди его, изъ круглого прорѣза доски, торчитъ коричневый столбъ, что держитъ палаточный шатерь.

Какъ холодная келья палатка молодыхъ генераловъ, какъ казематъ, гдѣ исписываютъ стѣны короткими и тоскующими строками-криками, гдѣ рѣжутъ и царапаютъ на камнѣ вензеля именъ, молитвы и проклятья... У меня тихая тягостность на душѣ. Минѣ чудится, что подъ этимъ сѣрымъ холоднымъ шатромъ, низко у земли, бьются связанныя птицы — гордые и скраинные.

Генераль Туркулъ сидить у стола, закинувъ ногу на ногу. Чуть поблескиваютъ его высокія и мягкая офицерскія голенища. Крутая грудь облита темной гимнастеркой. Генераль узокъ въ талии. Его длинные, крѣпкіе пальцы, въ ободкахъ золотыхъ колецъ, минутъ нѣрвно папиросу и обсыпаютъ на столъ желтый волокнистый табакъ.

Туркулу лѣтъ 25 и похожъ онъ на всѣхъ коряблевцевъ и дроздовъ — всегда сухощавыхъ, черноволосыхъ и черноглазыхъ. У Туркула маленькая, причесанная тщательно на проборѣ, липая голова, узкій носъ съ горбинкой и черная нитка усовъ надъ молодымъ

ртомъ съ обсохими губами. Онъ сидитъ закинувъ голову и въ сѣромъ полусвѣтѣ чуть ощеренъ его рогъ, и тускло поблескиваетъ золотая пломба зуба.

Я смотрю, какъ онъ смѣется, отчего внизъ отъ раздутыхъ крыльевъ носа пролегаютъ до губъ глубоки, черныя складки. Я смотрю, какъ онъ просто и шумно, по солдатски, сплевываетъ. Смотрю въ его глаза. Неволовимъ ихъ цвѣтъ. Коричнево-сѣрые съ желѣзнымъ отливомъ. И чувствую я, межъ его и моими глазами, зыбкую, стеклянную стѣну.

Генералъ Манштейнъ оперъ подбородокъ о руку. Другой руки у Манштейна нѣть до плеча. Генеральскій погонъ виситъ на одной пуговкѣ.

Манштейнъ рыжеватый шатенъ. Ему лѣтъ 38. Лицо его по актерски выбрито. Страдальчески, какъ у Гаршина, приподняты черныя бровки, и чудится мнѣ, что его молодое лицо, какъ трагическая маска всѣхъ невысказанныхъ страданій бѣлой арміи... Вотъ точно поднялъ онъ усталые глаза отъ ветхой Книги Бытія и горѣть въ страдальческомъ взглядѣ невысказанная печаль.

Туркуль говорить провинціальнымъ говоркомъ. Онъ говорить „высоко“ вмѣсто „высоко“. Онъ сплевываетъ черезъ зубы на земляной полъ. Плечистый и смѣшилівый, онъ похожъ на грубоватаго юнкера. Онъ похожъ на провинціального семинара, вышедшаго въ гвардейскіе прапорщики.

Генералъ Туркуль и генералъ Манштейнъ — самые страшные солдаты самой страшной гражданской войны. Генералъ Туркуль и Манштейнъ это дикое безуміе дроздовскихъ атакъ во весь ростъ безъ выстрѣла, это нѣмое бѣшенство непобѣдимыхъ дроздовскихъ маршей. Генералы Туркуль и Манштейнъ — это беспощадные массовые разстрѣлы, лохмотья кроваваго мяса и подбородки, раскроенные вороненой рукоятью вагана, и гарь яростныхъ пожарищъ, вихрь безумія, кладбищъ, смерти и побѣдъ.

Генералы Туркуль и Манштейнъ — нечеловѣческое безстрашіе храбрецовъ, мифъ о дроздахъ, что бояныхъ героевъ ставили подъ разстрѣль за украденную мужинскую курицу, что ходили подъ огнь пулеметовъ не сгибаясь, что однимъ ночнымъ переходомъ и мгновенной атакой сметали красныхъ дивизіи.

Туркуль и Манштейнъ — героический и смертельный полетъ бѣлой Арміи. Полетъ израненного орла, обреченаго смерти.

Туркуль и Манштейнъ — мифическая оборона Крыма, линія огня, линія крови, отступленій въ слѣпую вынту, стремительныхъ атакъ, паденій полетовъ безпощадной борьбы до конца, до послѣдней обоймы, до послѣдняго вздоха, до послѣдней мертвѣцкой корчи.

Туркуль и Манштейнъ — мальчики-офицеры. И можетъ быть Туркуль не больше, чѣмъ брошенный въ пекло революцій войнъ, провинціальный семинаръ, выросшій до масштабовъ исторического героя, легендарного солдата, живого миѳа бѣлой войны.

Манштейнъ страдальчески подымаетъ узкія бровки... Манштейнъ — Безрукій Чертъ, холодный, какъ машина, истребитель комиссаровъ. Манштейнъ — героическая легенда бѣлой Арміи. Манштейнъ — страшная выдумка огня, смерти и крови. Манштейнъ — дыханіе, сердце, ритмъ бѣлаго боя.

Манштейнъ худенький бритый офицерикъ, пѣхотинцъ мальчикъ-поручикъ, какие погибаютъ безъ крика, безъ имени, безъ слѣда въ первомъ же бою, вдохновенно и радостно усмѣхаясь своей молодой смерти. Погибаютъ среди миллионовъ другихъ такіхъ же безстрашныхъ, для которыхъ исторія не оставляетъ даже буквоки петнта на своихъ странницахъ.

Манштейнъ, бритый, безрукій пѣхотинцъ поручикъ случайно не погибъ въ первомъ бою. И потомъ все вѣхъ бояхъ сохранила его для себя исторія, прибе-

рета, выбрала изъ миллионовъ безслѣдныхъ — какъ символъ, какъ отмѣченаго избранника и подилица.

Еще генералъ Деникинъ произвелъ въ генеральскіе чины отца Манштейна, старого армейскаго полковника, добряка и доброго собесѣдника за стаканомъ доброго старого вина. Произвелъ его въ генералы — "за героические подвиги сына".

Старикъ Манштейнъ ходилъ за сыномъ въ бои и подавалъ подъ огнемъ пулеметныя ленты. Сынъ и отецъ часто сиживали на бивуакахъ за одной бутылкой вина. Въ бои ходилъ и еще одинъ Манштейнъ: маленький кадетикъ, внукъ Манштейна-старика отъ другого сына.

Въ одномъ бою внукъ былъ раненъ. Упалъ, треща отъ боли, а потомъ поползъ къ дѣду и сталъ звать его сквозь стиснутые зубы.

— Дѣдушка, слышишь, я раненъ.

Старикъ Манштейнъ подтянулъ его на свою тачанку, уложилъ на солому, шинелью накрылъ и говорить, поглаживая его горячую мальчишескую голову.

— И хорошо, что раненъ. Такъ и надо, что раненъ. И ничего, что больно. Терпи, солдатушко . . .

Генералъ Манштейнъ приподнялъ тонкія бровки, сжалъ ихъ страдальческой складкой и смотритъ поверхъ моей головы въ высокое окно, въ даль. Онь точно не слушаетъ, что разсказываетъ Туркуль . . .

— Помню я нашу атаку на красный татарскій полкъ, — разсказываетъ Туркуль. — Мы поднялись, встали и двинулись безъ выстрѣла. Татары залегли у станціи . . . Наши атаки всегда встрѣчали беззорядочнымъ огнемъ. Хлестали пулеметами, а мы шли и знали, что не выдержать нашего ровнаго шага и нашего молчанія. А здѣсь идемъ, а навстрѣчу намъ тишина. Приближаемся — тишина . . . Кое-кто началъ замедлять шагъ, кое-кто, волнуясь, заспѣшилъ. Всѣ волнуются. Тишина . . . Идемъ безъ звука . . . И

въ ту секунду, когда можетъ быть мы не выдержали бы тишины и бросились назадъ, татары поднялись, машутъ руками, втыкаютъ въ землю щитки. И не кричать, а какъ то повизгивають отъ страха... Тогда мы весь полкъ цѣлкомъ взяли.

— А помнишь какъ курсантовъ захватили? — движетъ тонкою бровью на Туркула Манштейнъ.

— Еще бы, говоритъ Туркуль и откашливается. Ихъ то не щадили. Да они и сами не просили пощады.

— Они очень хорошо дрались, — мягко, чуть замявшись и подбирая слова вмѣшивается въ разговоръ Манштейнъ. — Тамъ многое прежнихъ кадетъ среди курсантовъ. Изъ кадетскихъ корпусовъ пошли въ красные курсанты, какъ пошли бы въ юнкерскія училища. И еще мальчишки — коммунисты. Одного, помню, повели и разстрѣль, а онъ смеется и поетъ „Вставай, проклятьемъ заклейменный“...

Манштейнъ снова задумался и лицо его понѣжнѣло.

— Знаете, вѣдь много приходилось разстрѣливать, — говоритъ Туркуль... У меня въ полку есть цѣлые роты изъ плѣнныхъ красноармѣйцевъ. Безпощадный отборъ приходилось вести. Выстроишь плѣнныхъ и спрашиваешь: „Коммунисты есть?“ Молчать. Подходишь къ первому: „Есть коммунисты?“ Отвѣчаетъ: „никакъ нѣтъ“. „Разгрѣляй“. Отведутъ и разстрѣляютъ. Спрашиваешь слѣдующаго: „есть?“ — „Такъ точно, есть“. — „Кто?“ — „Вотъ этотъ“, а другие покрививаютъ: „и этотъ. И тотъ сукинъ сынъ... До десяти коммунистовъ на сотню плѣнныхъ приходилось разстрѣливать. Остальные дѣлались прекрасными, безстрашными, желѣзными солдатами...

Я смотрю на Туркула. Стеклянная зыбкая стѣна между мною и имъ. Невидимая стѣна между нами... Провалъ крови, трупнаго чада, окаряченныхъ мергвецкихъ рукъ, разбрзганнаго желтоватымъ студнемъ

мозга. Этого черноволосый, съ узкой талией юноша, исчадіе войны, какова она есть, какой она будетъ всегда. Войны безъ розовыхъ словъ и безъ бѣлыхъ перчатокъ. Видно, что не поцѣлуи надушенныхъ армадскихъ пастушковъ и не игра въ оловянные солдатики — человѣческая война, звѣрь бряцающей. Исчадіе лязгающей смерти, рева пожаровъ, вопля разстрѣловъ и яости бряцающаго шага атакъ, этотъ черноволосый мальчикъ. Это человѣкъ другого радиуса, другого измѣренія жизни. Говорить онъ спокойно, не торопясь, и чуть ощеренъ его ротъ и тяготить меня почему то его тускло поблескивающая въ сѣромъ полумракѣ золотая пломба.

Манштейнъ легко поводитъ на меня страдальчески приподнятой бровью и вдругъ улыбается мягко и робко.

— Да, много смерти. Очень много смерти. . . . И, знаете, всѣ умираютъ молча. Поставятъ подъ дуло винтовокъ и они жмутся, безъ звука. Блѣдные и понурые. И не крестятся.

— Только, какъ бы сказать, — интеллигенты что ли, — тѣ пощады просили, — прибавляетъ Туркуль. — Разные красные командиры и разные политкомы. Омерзительно унижались. Сапоги цѣловали. Называли вашимъ высокопревосходительствомъ.

— Да, — мягко соглашается Манштейнъ. А такъ, всѣ умираютъ молча, понуро. И я не знаю, почему они такъ умираютъ. Привыкли они за нѣсколько лѣтъ къ смерти.

Генералы вспоминаютъ . . . Вспоминаютъ, какъ едва не захватили легендарного командира красной конницы Гая, вахмистра изъ калмыцкихъ казаковъ. Гай бѣжалъ, а автомобиль его вмѣстѣ съ шофферомъ достался Дроздамъ. Шофферъ, — кто его знаетъ, можетъ быть и коммунистъ, — сталъ генеральскимъ шофферомъ и часто ночью возилъ ихъ въ одиночку, неиз-

въстными полевыми дорогами. Въ Севастополь, когда уходили, шофферъ просилъ разрѣшенія оставаться и ему разрѣшили . . .

Генералъ Туркуль закуриваетъ папиросу и откашливается.

— Вотъ, а теперь стоимъ здѣсь. Но я знаю, что какъ только услышать команду въ походъ — всѣ встанутъ и пойдутъ. Всѣ ждутъ напряженно, чтобы встать. Есть и такие, что не выдерживаютъ. У меня въ полку восемь офицеровъ застрѣлилось. Хорошіе все офицеры. И не оттого, что жить плохо, что жить скучно или скучно, а оттого, что тоска по родной землѣ. Тоски не выдержали.

Стрѣлялись потому что напряженія не выдерживали. Души лопались. Армія — это дѣйствіе это движение и борьба, а не замкнутая стоянка. Люди изъ арміи, воины, офицеры — годами, ото дня на день, бросали смерти свою жизнь, какъ ставку. И за такую ставку требовали всей жизни до-полнна, брали жизнь лихорадочно и стремительно. И если могъ бы еще терпѣть замкнутую недвижность ожиданія бездѣйственный штатский, — какую силу души надо собрать, до какой высоты напряженного духа надо подняться этимъ дѣйственнымъ людямъ, этимъ людямъ, мѣнявшимъ каждый день свою жизнь на смерть, этимъ замкнувшимся теперь въ Галлиполи, людямъ изъ Арміи?

Туркуль разсказываетъ о самоубийствахъ, а я вспоминаю почему-то того молодого гвардейского офицера, съ которымъ вчера познакомился въ Галлиполійской кофейнѣ. Гвардеецъ говорилъ мнѣ, позывая къ длиннымъ точенымъ ногтемъ мизинца о край стакана.

— Часто о Петербургѣ думаю. Внезапно, безъ всякаго повода. Вдругъ поплынутъ въ глазахъ набережныя, какая-нибудь улица на Петербургской сторонѣ, у которой и название забылъ. И до острой боли хочешь вдругъ бокаль хорошаго стараго вина, тон-

каго запаха духовъ. Это — страшно. Это все незамѣтны испытанія. Это прошлое. И надо много силъ чтобы не думать, очень много силъ... Но мы вышли изъ прошлаго. Въ Галлиполи съ настъ смыся нагаръ гражданской войны, умерло прошлое. Мы какіе то голые здѣсь. Мы не старая парская армія и не армія гражданской войны. Мы новое. Мы живемъ одной обнаженной болью, что быть нашей милой Россіи, но что она будетъ; какая не знаемъ, только не та мертвякная, что сегодня...

— Напряжены всѣ, — говорить и Туркуль, дѣлая глубокую затяжку папиросой, — такъ напряжены, что хоть походомъ идти на Константинополь. Вѣдь мы его могли бы взять и, захвативъ суда какія ни попало, обратно въ Россію... Мы ждемъ мирнаго дома, мы ждемъ Россіи.

Легко и страдальчески поднимаетъ узкія брови генераль Маштейнъ и смотритъ далеко-далеко, мимо настъ, въ просторы.

— Да, Россію ждутъ...

Ждугъ. И до бѣла накалены души, недвижны ожиданіемъ. И у нѣкоторыхъ лопаются, а у другихъ твердѣютъ, какъ несгибаемая сталь... . Рассказываютъ, что совсѣмъ недавно, когда уже всѣ знали, что Галлиполійскому сидѣнію конецъ, когда знали, что армію продвинутъ на Балканы, — юнкера одного изъ училищъ, эти безусые, на-подборь здоровые, крѣпкие, загорѣлые кутепчата, — стали вдругъ рыть себѣ землянки для зимней стоянки, да Кутеповъ запретилъ особымъ приказомъ.

Загорѣлая бѣлозубая молодежь, эти русскіе гимназисты, реалисты, студенты, вышедши изъ доменной печи боевъ, — не боятся ни зими, ни голода, ни тоски, ни тифа. Они будутъ стоять, они землянки выроютъ, они на дождѣ будутъ спать, они будутъ стоять пока неѣтъ приказа идти. Ожиданіе Россіи... Трепеть

ожиданія въ дыханін бѣлыхъ птицъ, въ шелестѣ знаменыхъ кистей, свисающихъ съ древковъ. Ожиданіе Россіи въ зовущемъ полетѣ вечерней зари, что поеть на всѣ четыре стороны свѣта синій трубачъ. Оно въ каждомъ тихомъ взглядѣ. Оно въ снахъ, въ неслышныхъ молитвахъ о которыхъ знаютъ только бѣлые птицы, что пали, свернувъ крылья, легкими рядами по синей долинѣ.

Туркуль и Манштейнъ провожаютъ меня... Я понимаю теперь почему мнѣ казалась ихъ генеральская палатка холоднымъ казематомъ, гдѣ стѣны исписаны нѣмыми криками вензелей и проклятій, гдѣ нетерпѣливо бѣютъ крыльями гордыя и страшныя плѣнныя птицы. Я понимаю теперь почему въ лагеряхъ были сплетни о попыткѣ этихъ генераловъ учinitь походъ на Константинополь. Понимаю, и то, какъ разъ ночью зимой вдвоемъ бросились они въ ледяную воду въ атаку на французскій миноносецъ. Сидѣли въ кофейнѣ у мола. И внезапно рѣшили взять атакой миноноску, маячущую у мола въ туманѣ стражевыми огнями. Выхватили ноганы, оба прыгнули, поплыли... Ихъ поднялъ на бортъ русскій баркасъ, а они недовольно ворчали.

Они идутъ рядомъ. Проносятся у меня ихъ рассказы изъ за стеклянной зыбкой стѣны, проносятся ихъ короткія, спокойныя слова о великой крови. Я пожимаю руку Манштейну и, замѣтивъ ободокъ обручального кольца на сухомъ пальцѣ, спрашиваю:

— Простите, вы женаты?

— Да. Жена со мною, а дѣвочка моя умерла...;

Бѣлые птицы замерли въ долинѣ. Синяя ночь опускается съ горъ и уже разстилаетъ надъ птицами свои синія нѣжныя ризы, унизанныя звѣздной пылью.

Я знаю, что стоять часовые у соломенныхъ шатровъ, гдѣ дремлютъ свернутыя знамена. О прекрасной родной землѣ шепчутъ звѣздамъ ключья вѣковой знаменой парчи.

И слушаютъ часовые ночь, звѣзды и шопотъ парчи.

Мы идемъ къ городу съ артиллерійскимъ поручикомъ Мишой, застѣнчивымъ и тихимъ, какимъ могъ бы быть поручикъ Ромашевъ изъ Купринскаго „Поединка“. Миша бросилъ университетъ и пошелъ добровольцемъ подъ Ростовъ. Онъ много знаетъ разсказовъ изъ за стеклянной стѣны, много медленныхъ стиснутыхъ словъ о великой крови. Онъ до дна глотнулъ изъ прорвы войны — этотъ русоголовый большеглазый мальчикъ съ чуткими нервными ноздрями. Когда онъ говоритъ, его лицо блѣднѣеть, а ноздри расширяются и тревожно трепещутъ.

— Я пошелъ, потому что вѣриль въ наше дѣло, — говоритъ Миша. — И въ арміи вся молодежь такая какъ я — вѣрующая. Мы пошли потому, что вѣра наша была — какъ обреченѣе. И можетъ быть все мы были обречены смерти за Россію... Вы думаете въ душѣ мы не знали, что насть трагически мало; что большевикамъ помогаетъ историческая удача, а мы обречены умереть. Пусть исторія безжалостна, но она справедлива, и дѣло не въ насть, а въ исторической справедливости, дѣло въ нашей вѣрѣ, что Россія тихая, а не бѣшеная. Что Россія будетъ построена миромъ, а не войною. Мы вѣрили, обреченные, — вы понимаете?

— Да.

— Ну вотъ. Мы воевали и намъ казалось, что за насть думаютъ. Намъ бы только побѣдить, а за насть построить... Только теперь мы увидѣли, что кругомъ насть пустота. Мы одни. А за Галлиполи, за нашей монастырской стѣной, пустота и опустошенныя души. Вы понимаете меня?

— Да, да. Говорите — отвѣтиль я на его нервный, страдальческій вопросъ.

— Тамъ говорятъ, что мы мертвцы. Но мы не мертвцы, пока жива та, за которую мы пошли уми-

рать. Не генераловъ и не царей мы хотѣли, мы не пушечное мясо генеральскихъ авантюръ, а мы живое мясо самой Россіи... Вотъ нась вырвали съ кровью. Мы не могли устоять. И вотъ мы здѣсь. Можетъ быть мы и мертвцы, если мертвецъ сама Россія. Можетъ быть мы и не нужны, если не нужна Россія. Но она жива и развѣ вы не понимаете, что живы и мы, какъ она?

— У нась въ Галлиполи произошелъ какой то отборъ, — добавилъ Миша помолчавъ. — Кто не выдержалъ испытаний — ушелъ. Ушли тѣ, кто не хотѣлъ нашихъ консервовъ, ушли тѣ, кто не могъ тосковать въ бездѣйствіи, кто задыхался и не перешагнулъ черезъ желѣзную дисциплину. Можетъ быть и сейчасъ еще есть консервники и подавленные, но большинство, я это знаю, готово на новыя испытанія. Мы всѣ здѣсь испытуемые за Россію. Здѣсь испытаніе, здѣсь, въ Галлиполи, — исторія ставить свою пробу будетъ ли Россія или ея не будетъ. Мы очистились отъ всѣхъ гноящихъ войны, мы обѣлились, мы стали живой идеей Россіи и, если она жива, не мертвцы и мы, потому что мы несемъ въ себѣ Россію какъ солнце. И потому то такъ здѣсь у всѣхъ горитъ душа.

Миша закинулъ свое поблѣдилое лицо къ небу и неровно дернуль чуткими ноздрями.

— Душа у нась горить вотъ какъ звѣзда.

Молчу я, но я понимаю. Миша -- обращенный. Поручикъ Миша навѣки принялъ причастіе бѣлага ордена Россіи, поручикъ Миша живеть для того, чтобы умереть за свою Прекрасную Госпожу.

Мы идемъ голубоватой лунной дорогой. Далеко, въ лунной мглѣ, влажнымъ длиннымъ воемъ перекликаются шакалы. Шакалы ночью выходятъ изъ гибкихъ зарослей и сѣвъ на заднія ноги воютъ кругомъ бѣлыхъ лагерей, поднявъ сѣдые морды къ лунѣ.

— Вы слышите, — говорить Миша. — Шакалы воютъ. Они воютъ каждую ночь. И чудится иногда, что весь міръ кругомъ нась какъ ночь и воетъ какъ шакалъ.

— Здѣсь, въ Галлиполи мы провѣряемъ себя до глубины, — наклоняется ко мнѣ Миша. — Засматриваемъ во всѣ закоулки душъ нашихъ. Вѣдь Галлиполи это прежде всего, это какъ бы сказать — само воєпitanie, закалъ воли и духа. Здѣсь мы дѣляемъ все, чтобы прийти въ Россію сильными, выкованными, желѣзными людьми, чистыми духомъ. И вся наша армія, все наше терпѣніе — это великий русскій закалъ...

— Я не знаю, конечно — говорить Миша, легко трогая меня за рукавъ. — Вѣдь всѣ мы въ арміи такие обыкновенные, плохіе и хорошие, но рядовые и незамѣтные люди... Но кажется иногда, что наша армія — это національная воля Россіи. Понимаете, — всѣ удары, вся буря смерти и разрушенія дѣла, брошена большевиками противъ воли, противъ силы и мысли русского народа. Имъ надо было задушить національную волю, смять, растоптать въ крови чрезвычаекъ, чтобы, на опустошенному мѣстѣ, выгравивъ Россію, производить свою вивисекцію коммуны и интернационала...

Рука Миши легко вздрагиваетъ на моемъ локтѣ:

— Имъ почти удалось. Внѣшне, — національную волю они раздавили штыками. Палъ Корниловъ, Деникинъ, Колчакъ, Врангель. Истреблена подлинная русская демократія — казачество... Имъ удалось и не удалось совершенно. Русская Армія въ Галлиполи стоитъ подъ Корниловскими знаменами.

— Это та армія, которую повелъ мятежникъ Корниловъ. Не забывайте, онъ повелъ ее противъ россійского безволія, противъ смуты словъ и смуты душъ, противъ бунта. Есть русскіе мятежники за бунтъ противъ Россіи. И есть мятежники противъ русского бунта.

за Россію. Мы — мятежники противъ бунта. Вся история нашей бѣлой борбы — национальный мятежъ и национальное возстаніе противъ безвольного, безпощаднаго и подлаго русскаго бунта . . .

— Мы — национальная воля. Потому мы и живы, потому и бессмертны. Мы одни, насть мало, но слышимъ мы оттуда, изъ Россіи, многомиліонное, живое наше дыханіе. Россія будетъ, — мы знаемъ, и если будетъ Россія, будемъ и мы, потому что мы ея бессмертная всля къ жизни. Мы — бессмертные . . .

Голубоватой лунной мглой свѣтить закинутое лицо поручика.

Миша, поручикъ, господинъ поручикъ, полковникъ, капитанъ, канониръ, рядовой, — не все ли равно кто, чынъ имень я не знаю . . . Миша, господинъ поручикъ, но васъ же матросы прикололи штыкомъ еще за Нарвской заставой въ Петербургѣ, когда мятежные полки Корнилова хлынули назадъ отъ революціонной столицы.

Господинъ поручикъ, капитанъ, унтеръ-офицерь безъ фамиліи, но вы же, стиснувъ зубы, пали подъ огнемъ пулеметовъ въ Москвѣ. Васъ бросили на гинлой соломѣ въ казачьей хатѣ, потому что были вы въ агоніи. Вы задыхались и сгорали на лазаретныхъ койкахъ въ сыпнякѣ. Замерзшимъ вастъ сняли съ коня. Подъ Манычемъ и Орломъ, и у Курска — вы пали на дорогѣ судорожно раскинувъ руки, отбросивъ и на грѣтую выстрѣлами, почернѣлую винтовку, и зеленый вещевой мѣшокъ . . .

Господинъ поручикъ, капитанъ, ефрейторъ, бомбардиръ, пулеметчикъ безъ фамиліи — вы же были забыты, брошены въ дрожащей и животной сумятицѣ Новороссійска и Одессы. Васъ заѣли вши въ холодныхъ, кишящихъ трюмахъ транспортовъ. Въ Константинополѣ, за колючей проволокой лагерей, васъ спих-

нуль въ ямицу братской могилы подкованный сапогъ голубого французского сержанта . . .

Господинъ поручикъ, блѣдный мальчикъ, съ тихо пылающими темными глазами, идетъ со мной рядомъ и свѣтится въ лунной мглѣ его закинутое, тонкое лицо.

Дорога намъ мимо русского братского кладбища. Высоко на горномъ откосѣ, межъ легкихъ тѣней крестовъ, сѣрѣетъ тяжелый каменный колоколь русского надгробья, памяти запорожцевъ, почившихъ въ турецкой неволѣ, памяти плѣнныхъ 1854 года, памяти русскихъ воиновъ 1920—1921 года.

Есть бронзовая доска на надгробіи, слова приказа генерала Кутепова: „Пусть каждый отъ генерала до солдата принесетъ по камню на сооруженіе этого памятника . . .“ И сюда изъ города и лагерей много дней шло тихое паломничество русскихъ полковъ, сѣдыхъ генераловъ, ребята, священниковъ, солдатъ, милосердныхъ сестеръ, юнкеровъ, больныхъ изъ лазаретовъ . . .

Терновые вѣники изъ ржавой колючей проволоки, скрещенные пушки и мечи, вырѣзанные изъ жести. Бурые могильные холмы застилаютъ георгіевскія ленты. Легкіе желѣзные кресты сквозятъ лунной мглою. Ночь ходить межъ могиль, тихая ночь . . .

Вотъ онѣ безымянныя, братскія.

Вотъ могилы дѣтей. Вотъ жестянная дощечка „Бомбардиръ артиллерійской батареи Симонъ Кругловъ“, надписи чернильнымъ карандашемъ „Милому брату“, „Спи мирно, другъ мой“. Вотъ могила ранняго поэта Рутковскаго, юнкера, сгорѣвшаго отъ лихорадки весной. Могильныя, посвѣжѣлыша отъ дыханія ночи травы, можетъ быть шепчутъ недосказаннымъ смутнымъ шопотомъ его ранихъ стиховъ . . . объ огняхъ родныхъ городовъ, о туманныхъ и чужихъ огняхъ родныхъ городовъ, откуда уходятъ ночнымъ походомъ, отступая. О сѣрой сказкѣ осенняго дождя, когда дремлетъ въ сѣдлѣ на долгихъ каваллерійскихъ маршахъ, объ утрен-

немъ пѣнѣ серебряной сигнальной трубы, поднятой къ зарѣ и къ солнцу...

Русское бѣлое кладбище у бѣлого призрачнаго русскаго монастыря. Кладбище павшихъ у незримыхъ стѣнъ Иерусалима. И тѣхъ, кто стрѣлялся сгорая въ огнѣ медленнаго ожиданія и тоски, и тѣхъ, кто молча испанвалъ въ лихорадкахъ, отъ голода, подъ огненій лапой сыпняка.

У сѣраго надгробья стынетъ тѣнь часоваго. Надъ его головой, на желтоватомъ мраморѣ, распласталъ грозныя крылья двуглавый орелъ, винѣ узловатыя когти и рвать мраморъ, а орлиныя очи заведены гибнющей скорбью.

Часовой пристально смотритъ вдалъ, сквозь лунную мглу, туда, гдѣ спятъ бѣлыя птицы, застланныя иѣжинамъ покровомъ звѣздныхъ ризъ.

Розсыпь звѣздъ.

Я сплю надъ обрывомъ, у моря.

Завернешься въ одѣяло, ляжешь на нагрѣтую землю, на колючки сѣдой травы и всю ночь шумитъ вѣтеръ съ моря мягкими порывами въ ушахъ и свѣжимъ трепетомъ проносится по лицу. На разсвѣтѣ рубашка и одѣяло влажнѣютъ отъ росы и морской сѣжестью пахнуть и лицо и руки:

Надъ обрывомъ спятъ въ перемежку солдаты и офицеры. Въ деревянныхъ домахъ духота ночью не выносима. Спятъ они, такъ же какъ я, на землѣ, завернувшись въ одѣяла, и только кое кто моститъ изъ досокъ отъ консервныхъ ящиковъ скрипучія и невѣрная ложа, чтобы не хватиль въ одночасье за ногу скалапендръ или скорпіонъ.

По обрыву въ глинистомъ буромъ пескѣ вырыты землянки, куда забираются на корточкахъ. И подъ нами, ниже на площадкѣ, ночью такъ же раскинуты на

землю спящие. За стыни чивымъ дозоромъ ходить надъ всѣми пами почюю тоценкай серебристый и очень стыдливый рогъ луны, что мочить и волочить въ тѣйномъ морѣ свою узенкую играющуя цѣпочку.

Нижняя площадка обрываетя къ морю. Тамъ сѣрая дорога, сѣрые заборы, наложенные изъ камней доброго размѣра. Еще ниже бѣлѣтъ круглымъ фронтомъ домъ, гдѣ живетъ генералъ Кутеповъ. А за домомъ гулко ходятъ туманные табуны прибоя.

— Здр... Здр... Вашество!

Рвется и звенитъ рано утромъ ясный воздухъ отъ бодраго привѣтствія Кутеповскихъ конвойцевъ. Генералъ встаетъ по первому солнцу.

Шевелятся и у насъ на обрывѣ. Заспанные, натягиваютъ, посапывая, на подштанники желтые солдатскіе штаны. Присѣвъ на землю обматываютъ ноги бурыми англійскими обмотками — такими длинными, въ сажень длиной.

Простоволосыя, блѣдныя, носатыя гречанки съ черной гривой нечесанныхъ волосъ, стукаютъ ставнями и стоятъ въ квадратахъ оконъ въ однѣхъ сорочкахъ, вытряхивая на огорода свои бебехи.

Бебехи звучно хлопаютъ въ утренней тишинѣ.

Солнце идетъ изъ синей стайки тучъ, только что вздренившихъ подъ самый разсвѣтъ. Вотъ было оно багровымъ сумеречнымъ кругомъ, а теперь какъ круглый щитъ, литой изъ яснаго желтаго золота. Ласковый комушекъ золотаго котенка лѣзетъ по ниточки въ легкую синь неба.

И на травѣ ясной и желтой, какъ золото, — трепетъ синихъ тѣней. Ясное золото на солдатскихъ лицахъ, капельки мокраго золота въ ихъ сощуренныхъ, заспанныхъ глазахъ. Мой сосѣдъ, высокій, костлявый вольноперъ изъ авіаціоннаго отряда задираетъ къ небу лицо. Вольноперъ курносъ и одинъ глазъ у него карій,

а другой чисто голубой. Разноглазый вольноперъ неисправимый весельчакъ и балагуръ.

— И-го-го-го, — привѣтствуетъ онъ утро радостнымъ ржаніемъ.

А золотой котенокъ уже выпустилъ когти и затыкну горячо и надо вставать, надо вытряхиваться со своими бебехами.

Въ синей пустынѣ ходитъ ослѣпительный золотой тигръ, запускающій въ землю миллионы яростно раскаленныхъ когтей.

Въ нашемъ сѣромъ домѣ, внизу, возия: варять утренній чай. Подъ обваленымъ каменнымъ павѣсомъ очага разложили костеръ и ставятъ, въ очередь, на огонь свои манерки и жестянки, въ мохнатомъ пуху чернаго нагара и копоти.

Ходятъ въ однихъ штанахъ, безъ рубахъ. Бронзовыя спины и бронзовыя лица въ сажѣ. Глаза у всѣхъ точно подмазаны. Ходятъ какъ черти у пекла, колдуютъ надъ булькающимъ кипяткомъ, присѣвъ на корточки, вмѣстѣ, и солдаты и офицеры.

Мягко уступають другъ другу. Мягко, чтобы не замѣтили, стараются оказать другъ другу тысячи маленькихъ услугъ, тысячи маленькихъ, маленькихъ человѣческихъ ласкъ.

— Господинъ поручикъ, я вамъ хворостку подкину.

— Ничего, ничего, спасибо . . . Подкиньте пожалуйста.

— Вы бы чай засыпали, Сапуновъ, а то кипить.

— Сею минуту, г-нъ ротмистръ, только на верхъ сигану.

— Да зачѣмъ же сигать, вы у меня щепотку возьмите.

Здѣсь всѣ на вы, здѣсь въ каждомъ жестѣ мягкая предупредительность и мягкая вѣжливость.

Очагъ дымитъ. Дымъ рѣжетъ глаза и всѣ трутъ ихъ, щурятся, отфыркиваются, точно молодые щенята-черти у пекла.

Когтистое солнце уже накалило пыль повисшую надъ бурой площадью. У грузовыхъ машинъ начались утреннія занятія.

Обучають мотору. Стоитъ на пустырѣ у грузовыхъ машинъ кучка бѣлыхъ рубашекъ и одна изъ нихъ поясняетъ баскомъ, съ бархатистой хрипцой.

— Ежели теперь цилиндра наклонена, то и проходитъ взрывъ... Вамъ понятно?

— Точно такъ. Ежели цилиндра наклонена...

— Балансиря и покачиваясь движутся гуськомъ по дорогѣ у каменной сѣрой гряды турецкаго кладбища солдаты съ самодѣльными коромыслами черезъ плечо. Это дневальныя тапцутъ свѣжую воду отъ фонтановъ.

Радостно звенить въ жестяныхъ баклагахъ вода. Плескаеть, и за дневальными, чо сѣрой пыли, тянутся влажныя темныя кляксы расплесканий воды.

Идеть съ баклагами и мой сосѣдъ вольнопертъ. Увидѣлъ меня, сощурилъ сначала карій, а потомъ любой глазъ и улыбается.

— Берегитесь... Мужи-водоносцы шествуютъ.

За каменной грядой, на пустыряхъ, гдѣ точно циклопами сложены ряды тяжелыхъ плитъ-скамей, сидятъ бѣлые стаи бѣлыхъ рукахъ. Сумрачно хмурятся подъ солнцемъ, шелестятъ тетрадками, пишутъ; а у маленькаго офицера-профессора посверкиваютъ на небо огромные очки снопами ослѣпительныхъ лучей.

— Теперь мы проведемъ параболу къ точкѣ Б...

На ржавой желѣзной доскѣ начерчены мѣломъ сегменты и секторы, падающія арки линій, бѣлая путаница алгебраическихъ формулъ.

Къ щелинкамъ въ каменной грядѣ припали дѣвченка-турчанка и турчаненокъ въ красной фескѣ, горящей на солнцѣ, какъ рубинъ. Оба вытянули золотистыя тонкія мордочки и смотрятъ во всѣ коричневые

глаза на снопы ослѣпительныхъ лучей отъ страшныхъ очковъ эффенди. Смотрятъ и пугливо шебечутъ.

У лавки земско-городского союза стоять гуськомъ военные жены. У многихъ ребята на рукахъ. Ждутъ въ очереди земского хлѣба и земской манной каши.

Къ пляжу, надвинувъ на лобъ фуражки, тянутся купальщики. Ровно и крѣпко хрустя сапогами протопоталъ бѣлый караулъ. Всѣ отмахиваются вразъ руками. Отмахнуть и хватять крѣпкій припѣвъ.

— Эй, да, горе не бѣда...

А когтистое солнце стелеть уже золотую мглу зноя. Духота давить къ полдню какъ жерновъ. Въ полдень по обгорѣлымъ пустырямъ сонно бродить бѣлая пыль.

Глянцевитые отъ пота Сережки полузасыхаютъ на часахъ, и пошатываются, разставивъ циркулемъ черниля, худяя ноги. Лавки кое где запираются ставнями. Шершавыя, лохматыя собаки забираются въ мраморныя раковины изсякшихъ фонтановъ, ищутъ холодка и тѣни на прохладномъ камнѣ.

Въ кофейняхъ къ полдню тянутъ изъ бѣлыхъ чашечекъ горьковатый кофе запивая каждый горячій глотокъ холодной прозрачной водой изъ запотѣлыхъ звонкихъ стакановъ. Въ лавкахъ у стоецъ русскіе солдаты подолгу, не спѣша, торгаютъ пухлощекіе помидоры и дѣлятъ межъ собою дыню, нарѣзывъ ее влажными оранжевыми ломтями. На стойкѣ — горки зеленыхъ корокъ и мокрая каша волокнистыхъ дынныхъ зеренъ.

Пыльная пустота.

Въ золотистой мглѣ зноя умолкаетъ море. Море глохнетъ и заволакивается сиреневымъ туманомъ.

И до вечера зной и бѣлая пыльная пустота.

До вечера, когда солнце будетъ желтѣть и остывать и синяя стайки тучъ начнутъ искать подлѣ него легкаго почлега. До вечера, когда нацъ синей линіей

горъ подымутся и станутъ недвижно сверканья солнечныхъ копій. И застынутъ поднятыя копья солнечной стражи и будутъ гаснуть въ вечернемъ океанѣ. А потомъ и багряный океанъ отольется, отхлынетъ за горы, безъ звука.

И синій и нѣжный вечеръ зазвучитъ надъ Галлиполі.

Одиночимъ звукомъ, воркуя, запѣлъ, гдѣ то корнеть-а-пистонъ. Гдѣ то звучатъ два женскихъ голоса: стройно и ласково. Поютъ изъ „Пиковой дамы“.

— Ужь вечеръ, облаковъ померкнули края...

Вѣроятно ученицы художественной студіи разучиваются дуэтъ для вечернаго концерта.

Въ грузовомъ автомобилѣ, у котораго угромъ поучалъ кто то кучку бѣлыхъ рубашекъ взрывамъ въ наклоненномъ цилиндрѣ, — засѣли теперь на протертое кожаное сидѣніе двое солдатъ. Поставили ноги на круглый руль, перегнулись до подбородка. На колѣняхъ у одного раскрыта книга. Оба наклонились къ бѣлымъ страницамъ и слышу, какъ одинъ твердить:

Der Garten ist grün, der Garten ist grün...

А другой отвертывается отъ сосѣда въ сторону и повторяетъ скороговоркѣ:

Ich bin, du bist, er, sie ist...

Учать чужой языкъ. Учатся здѣсь на курсахъ иностранныхъ языковъ, въ народномъ университѣтѣ, въ школахъ, въ гимназіи, въ библіотекѣ. Учатся, переписывая учебники, по одной тетрадкѣ. Учатся запоемъ. Быть уже выпускъ молодыхъ офицеровъ; въ гимназіи экзаменуютъ старшіе классы, тысячи прослушали народный университетъ, сотни съ отчаяннымъ россійскимъ „аканьемъ“ и „оканьемъ“, но очень увѣренно и живо, болтаютъ теперь въ лагеряхъ по французски и по англійски.

Въ Галлиполи до шести тысячъ русскихъ студентовъ. Въ Галлиполи до двадцати тысячъ молодыхъ

крестьянскихъ ребягъ, вчерашихъ русскихъ фабричныхъ парней, вчерашихъ гимназистовъ и конторщиковъ.

Въ Галлиполи несетъ монашескій подвигъ русская молодежь. Гдѣ осталась еще такая сияющая духомъ русская молодежь, обрекшая себя крови и подвигу, ушедшая на замкнутый чистый послухъ въ бѣлый монастырь Галлиполи?... Зеленый нашъ садъ, милая наша надежда россійская, русская молодежь, послушникъ нашъ Алеша, третій изъ братьевъ, молодшій, который придетъ на смѣну всѣмъ намъ, и русскимъ холднымъ безумцамъ Иванамъ, что сродни чорту, и Донъ Кихотамъ Митямъ, прокутывшимъ душу, и мерзостнымъ Смердяковымъ. Третій братъ, милый Алеша, за которымъ, обѣленная въ великой крови и на гноящихъ, третья Россія.

Уже синій вечеръ. Едва бѣлѣеть раскрытая книга, а на грузовикѣ все твердятъ нѣмецкія слова. Довольно бы, господа, — слышите, какъ звучить вечеръ и звѣзды, высокія и туманныя, выступили робкими, мерцающими толпами... Довольно бы, господа!

Der Garten ist grün, der Garten ist grün... доносится мнѣ вслѣдъ.

Люблю я вечеромъ идти синѣющими улицами.

Красными точками горятъ навстрѣчу папиросы. Голоса звучатъ утихающимъ рокотомъ. Развалины стѣнъ тихо свѣтятъ — синія, слушающія.

Синій вечеръ прислушивается и всѣ слышать его, чуткое и осторожное дыханіе. Слышитъ и засыпающая пыль и мраморные тюрбаны въ бурьянѣ и сѣрые, поскрипывающіе, какъ ветхіе старики, греческіе дома и люди.

Музыка синяго вечера пуглива и отлетаетъ отъ громкаго говора, отъ топота, отъ тряской дроби телѣгъ. Музыка вечера пуглива и потому такъ осторожно и такъ чутко звучать голоса и люди проход-

дятъ такъ тихо, безъ топота, и потому такъ мягко тлѣютъ огни папиросъ.

На каменныхъ ступенькахъ у сѣрыхъ домовъ и по откосамъ у турецкаго кладбища сидятъ чуть бѣлѣющими стайками солдаты. Они слушаютъ вечеръ и ихъ вечерній говоръ мягокъ и тихъ. Кто нибудь разсмѣется, но и смѣхъ негромокъ. Смѣхъ, какъ тихій плескъ на темной заводи, когда расходится серебристыми крупами вода отъ играющей серебристой плотвы.

Все призрачно и все нѣжно въ засинѣвшемъ воздухѣ. Я слушаю обрывки мягкаго русскаго говора и слагаются они въ какую то вечернюю пѣсню. Иду и хочу найти, подобрать весь трепетъ аккордовъ этой пѣсни и не могу, и больно мнѣ, что не могу.

— Завтра намъ по наряду идти, — слышится изъ синѣющей мглы.

— И была она вся бѣленъкая и мерси по французски говорила и все какъ слѣдоватъ. Познакомился я съ ней въ Одестѣ. Ну, хорошо...

— Да его шашками красные зарубили. Буденовцы наскочили. Крошили насъ — страсть. А онъ остался подъ конями.

— Я въ дозорѣ лежу, а она идетъ на меня, такъ на меня и загибаетъ полемъ. Старушка. По лунѣ мнѣ видно. „Солдатикъ, говоритъ, не стрѣляй, дай напиться“. Я далъ, а самъ ее ругать: „Какъ ты сюда попала?“ — „Изъ за Днѣпра, по плавнямъ. Къ сыну. Сынъ у васъ въ бѣлыхъ служить“. Я тогда ей и говорю: „Иди ты, баба, въ штабъ дивизіи“...

— Стояли мы подъ Каходкой. Пѣхоту трепали...

— А что я вамъ скажу: говорятъ всѣ государства пойдутъ въ Рассею порядокъ ставить...

— Говоришь ты, овсы. Овсы можетъ у васъ и хороши, а у насъ въ Мелитопольскомъ ты видѣлъ — пшеница какая...

Слушаю я вечерний говоръ солдатъ и кажется мнѣ, что такъ же, по синему вечеру мягкимъ говоркомъ гуторили о стоянкахъ, о штабахъ дивизіи, о походахъ и Скобелевскіе солдаты, въ лагеряхъ подъ Ташкентомъ, и пурпурные гвардейцы императрицы Елизаветы у походныхъ шатровъ подъ Берлиномъ, и усатые карабинеры Александра I, кругомъ костровъ, на мостовыхъ Парижскихъ предмѣстій...

Я иду къ морю, на камни. Шершавый камень уже прохладенъ. Повыше меня, по откосу, чуть бѣлѣютъ четыре рубахи. Не видно лицъ въ синѣющемъ сумракѣ. Тлѣетъ одинокій огонь папиросы. Я слушаю.

— Ты былъ номернымъ у орудія и гдѣ тебѣ коренныхъ знать. А я на нашемъ кореннікѣ четыре года ъездовымъ. Я ихъ обѣихъ знаю, коренныхъ. Лѣвая рыжая, молодая, Ледой звать, а правая тоже рыжая, но съ прогнѣдинкой, задастая, у той еще бабка сбита была и она на заднія ноги присѣдала, а звали Мечтательная. Я тебѣ про нихъ все разскажу. Лучше моей рыжей Леды во всемъ уносѣ не было. Выносила орудіе прямымъ духомъ, грудью, какъ вѣтеръ, а Мечтательная, конечно, кобыла старательная, но гдѣ ей угнать за Ледой, когда задомъ тянетъ, а не грудью... Ты помнишь, какъ подъ Новороссійскомъ нашу батарею сбили. Мечтательную снарядомъ по брюху садануло, кишки вывалились. Мы уходимъ, а она, братъ ты мой, головой дергаетъ, подымается. И поднялась. И пошла, а кишкі подъ брюхомъ волочатся. Отстала вскорѣ... А Леда до Новороссійска дошла. Тамъ ее и бросили, когда грузились. Кони у мола ходили по гололедицѣ, непоеніи, некормленные. Табунами ходили и все къ водѣ ближе. Сыростью отъ воды тянетъ, а имъ бы только попить, конямъ. Подошелъ такой табунокъ къ молу, а мы ужъ на корабляхъ сидимъ. У меня глазъ настрѣянный на лошадей. Вижу, въ табунѣ моя рыжая, Тянетъ голову къ водѣ,

ржетъ, а поздри трепещутъ. Пить хочеть. Эхъ, думаю, Лѣда. И вижу, братъ ты мой, вдругъ какъ рванетъ Леда со всѣхъ четырехъ ногъ и въ воду. Не выдержала жажды лошадиной... Рухнула, коснулась губами соли морской и задернула голову. Задернула она голову, а ее относить стало, Леду. Я, брагъ, ушелъ, не смотрѣль, но потопла, конечно...

На откосѣ замолчали. И слушаетъ человѣческое молчаніе туманная звѣздная розыпь...

— Да, здѣсь Россія, — мягко выкативъ на меня мутные сѣрые глаза, говорить генераль Карцевъ въ кафе, куда я пришелъ съ моря выпить стаканъ вина.

Генераль Карцевъ предсѣдатель суда чести. Генераль Карцевъ старый военный педагогъ, теоретикъ войны, знатокъ русской арміи, путешественникъ и воинъ.

Генераль Карцевъ по крови солдатъ, еще его пра-дѣды служили въ Лейбъ-Гвардіи. Не было, кажется, ни одной войны, ни одного русского похода, начиная съ восьмидесятыхъ годовъ, гдѣ бы не участвовалъ генераль Карцевъ. На его потертой курткѣ только одинъ орденокъ: стальной мечъ въ стальномъ терновомъ вѣнкѣ на георгіевской лентѣ, знакъ Корниловскаго ледяного похода. И съ серебряной чеканки казацкой шашки свисаетъ потертый закрученный въ тесемку лоскута ленты георгіевскаго оружія, что даруютъ храбрымъ.

Тяжель на подъемъ и лысь генераль Карцевъ. Онъ курнось, глаза на выкатъ, и сѣдая бороденка ностетъ изъ шеи. Похожъ на Сократа генераль Карцевъ, предсѣдатель суда чести, богъ войны, какъ зовутъ его въ Галлиполи молодые офицеры.

Онъ потерялъ недавно послѣдняго на землѣ родного человѣка. И всегда влажны его выкаченные глаза и, по правдѣ сказать, не отказывается онъ теперь отъ лишняго стакана терпкаго краснаго вина и отъ коричневаго, съ запахомъ корицы, коњяку.

Бесѣда его мудра и прекрасна. Много видѣли его старческие выкаченные глаза. Индія, степи Тибета, Парижъ, Японія, походы и тихія книги, огни бивуаковъ и зеленые лампы библіотекъ. Его цѣнныя архивы, переписка его отцовъ и дѣдовъ съ царями, его дневники — погибли.

Я рассказываю ему о томъ, что видѣлъ въ Галлиполи, о солдатахъ, о поручикѣ Мишѣ, объ селистряныхъ язвахъ, о вольоопредѣляющемся съ каримъ и голубымъ глазомъ. Я говорю ему, что услышалъ, какъ бьется здѣсь, подъ свернутыми знаменами, живое сердце Россіи.

— Здѣсь дышитъ Россія, — говоритъ Карцевъ. — не знаю какъ у васъ тамъ, у эмигрантовъ, а здѣсь Россія жива. Россія прекрасная, чистая, рыцарская. Вотъ ѳду въ Константинополь. Вы знаете, русскій офицеръ вызвалъ на дуэль французскаго лейтенанта Буша. Бушѣ былъ грубъ съ русской женщиной, съ женой русскаго офицера. Послали вызовъ. Бушѣ отвѣтилъ какимъ то смутнымъ письмомъ, не то отказомъ, нѣ то извиненіемъ, а представитель Франціи отвѣтилъ примѣрно такъ, что ежели мы Ѱдимъ ихъ консервы, то какая же можетъ быть у насъ честь. Мы отвѣтили что честь солдата и консервы вещи разныя. Мы сказали, что сообщимъ сосѣднимъ арміямъ, — какъ французскій офицеръ отказался выйти къ барьерау. И вотъ теперь меня вызываетъ Командиръ Французскаго Корпуса въ Константинополь.

Богъ войны усмѣхается, выкативъ на меня чуть сверкнувшіе глаза.

— А что Россія здѣсь жива, это вѣрно. Вы послушайте армію и вы услышите, что жива Россія. Видите ли, голубчикъ, вы думали о прежней Арміи по Купринскому „Поединку“, по Ромашевымъ, капитанамъ Слизи-вамъ и Шурочкиамъ въ чулкахъ со стрѣлками, а о нашей арміи, о Галлиполи, ничего вы не знали. Видите

ли, если тамъ у васъ не услышать, что здѣсь происходитъ, — тамъ будетъ сдѣлана непоправимая ошибка. Здѣсь не отрыжка гражданской войны, не черный сбродъ и не грабители. Здѣсь новая армія, чистый кадръ Россіи, прошедшій черезъ всѣ испытанія, какихъ и не выдумаешь.

Генералъ медленными глотками пьетъ вино, мочитъ усы и на сѣдыхъ концахъ усовъ висятъ капельки вина, точно рубины.

— Мы понимаемъ здѣсь не по газетному. Развѣ у красныхъ нѣтъ арміи и арміи очень сильной. У красныхъ есть хорошие, талантливые командини. Подлецовъ въ свѣтѣ много, но съ подлецами за одинъ столъ мы никогда не сядемъ, пусть вотъ голову мнѣ обрубятъ, по шеѣ... Мы не политики, но есть у насъ своя солдатская религія: Сатана и Богъ борются въ мірѣ. Сегодня побѣдилъ Сатана. Но побѣдимъ мы, потому что Богъ съ нами. Мы такъ вѣруемъ. И потому мы идемъ на всѣ испытанія и на все человѣческое терпѣніе.

Старикъ грузно опустилъ голову на руку. Задумался у стола, какъ старый рыцарь изъ давно читанной сказки, какъ сѣдой и грузный мастеръ рыцарского ордена.

— Вы армію поймите... Вотъ эти выпушки, кантики, вы, поди, смѣялись, какъ всѣ, надъ этакой тупостью. А знаете ли вы, что самыя сильныя арміи это тѣ, гдѣ каждый полкъ, каждая часть отлична, цвѣтетъ по своему, бережно носетъ свои историческія воспоминанія, свои завѣты крови и подвига. Примѣръ — германская армія. Гибель арміи въ нивеллировкѣ, въ номерныхъ полкахъ, въ сѣромъ ранжирѣ, когда всѣ цвѣта гаснутъ, когда цвѣтувшая душа арміи увядаетъ. И вспомините вы, какъ бѣжала французская номерная армія подъ Шарлеруа подъ ударами, кажется, померанскихъ гренадеръ. Наша армія цвѣла при Елизавѣтѣ и Суворовѣ. Наша армія стала гаснуть отъ Милютин-

ской нивеллировки, съ Ванновскихъ номерныхъ полковъ. Пошли офицеры-чиновники, номера, миллионы бородатого мяса, сплошная сѣрая пѣшка... Армія держалась тѣми, кого вы никогда и не видѣли. Армія держалась отшельниками-офицерами, монахами-офицерами, что кромѣ своихъ полковъ и солдатни ничего и не знали. Такіе же пришли и сюда, такіе, для которыхъ полкъ, родная рота, взводъ ближе всего на свѣтѣ, ближе возлюбленной.

Я слушаю парадоксы генерала и приходитъ мнѣ на память насмѣшилый обрывокъ „Журавля“ и по иному я начинаю догадываться объ его смыслѣ...

Кто раскрашенъ какъ плакать,
То Корниловскій солдатъ...

Вѣроятно такъ и нужно, чтобы былъ раскрашенъ, чтобы цвѣль своимъ цвѣтомъ, чтобы пѣль своимъ тономъ. Молодые полки въ Галлиполи ревниво берегутъ всѣ свои новые, вынесенные изъ гражданской войны, отличительные знаки: нашивки на рукавахъ, черепа на скрещенныхъ мечахъ, черно-красные погоны Корниловцевъ, малиновый бархатъ погоновъ дроздовъ, а въ старой гвардіи бережно передается, по старшинству, желтый наплечный шнуръ аксельбантовъ съ серебряннымъ вензелемъ Екатерины II...

На улицѣ ночь...

Звѣздная розыпь свѣтящимся туманомъ мерцаеть надъ Галлиполи. Лучъ маяка золотистою тѣнью пролетаетъ сквозь звѣздный туманъ, падаетъ на темное море золотистыми трепетными крыльями. Далеко бѣлѣеть башня маяка, Фенэра, какъ зовутъ его турки. Вчера я былъ тамъ съ друзьями... Я и не ждалъ встрѣтить здѣсь артистку Астрову, легкую, радостную комедійную артистку нашего Юга. Она ушла въ Галлиполи вслѣдъ за мужемъ, артиллерійскимъ капитаномъ. Здѣсь и Плевицкая и молодая Коваленская съ Александринской сцены.

Я иду ночной улицей и вспоминаю, какъ и на-
смѣшливо и свѣтло смотрѣла на меня Астрова.

— Итакъ вы уѣзжаете отъ насъ? Жаль, жаль... Жаль васъ, что уѣзжаете... Въ вашихъ Парижахъ и Константинополяхъ, у васъ тамъ нигдѣ Россіи нѣтъ. А здѣсь Россія. Жаль васъ, что вы уѣзжаете.

Иду подъ звѣзднымъ мерцаніемъ. Вздохи мѣд-
ныхъ трубъ далеко поютъ старый вальсъ. Въ черной
водѣ у мола качаются, какъ стыдливые свѣтляки, синіе
огни звѣздъ и зыбаются отсвѣты оконъ кафе. Отсвѣты
точно длинныя и нѣжныя рѣсницы.

На поплавкѣ, за узкимъ столикомъ, всѣрѣчаю ко-
мандира гвардейской пѣхоты Лукошкова. У темныхъ
перильцъ веранды вода дышетъ холодной свѣжестью,
по ночному. Звѣзды свѣтляя, чуткія, близкія стоять
тихой толпой.

Легкая фелюга, спить поднявъ косую мачту, а въ
черной паутинѣ счастей едва дрожитъ звѣздная роз-
сыпь. Фелюга можетъ быть и не спить, а мечтаетъ и
слушаетъ.

Строенъ и блѣденъ гвардеецъ Лукошковъ. На
блѣломъ плечѣ чуть звякаетъ концами желтый шнуръ
аксельбанта съ Екатерининскимъ вензелемъ. Лукошковъ
выдержанній до отточенныхъ ногтей петербургскій
гвардеецъ, мягкий, привѣтливый, но такой замкнутый.
А теперь звѣзды подошли близко къ намъ и вижу я
въ его глазахъ тихое, и синее, звѣздное мерцаніе. И
можетъ быть потому такъ страненъ нашъ мерцающій
разговоръ.

— Міръ потерялъ красоту, — говорить Лукош-
ковъ, поглаживая длинными пальцами подбородокъ. —
Красота отошла отъ міра. Всѣ живутъ мясомъ. Душа
міра волочится въ грязи. У міра вдохновенія нѣтъ.
Крыльевъ нѣтъ у теперешняго міра, послѣ войны.

Звякнувъ перстнемъ о стекло онъ наливаетъ себѣ
стаканъ вина. Онъ оглядывается на звѣздную розсыпь,

онъ разсказываетъ мнѣ странную исторію, странной рыцарской любви... Его другъ потерялъ любимую. Его другъ одинъ подъ звѣздами, а любимая умерла. И нечѣмъ забыться и никогда не забыть. Но Любимая придетъ, потому что Любовь бессмертна, неумираема Любовь и не осыпается никогда ея бѣлыи цвѣтъ. Любимая придетъ, какъ звѣзда падетъ на землю, и его другъ, можетъ быть здѣсь еще, на землѣ, встѣтить ее, а можетъ быть тамъ, гдѣ свѣтять звѣздные туманы.

Иду одинъ въ туманѣ звѣздъ. Иду на мой обрывъ и думаю, что такія исторіи уже забыты у насъ. Такія рыцарскія исторіи о Неумирающей Любви и о Прекрасной Дамѣ.

Когда буду я проходить у завѣшенаго окна той площадки, гдѣ живешь ты, моя родная, ты будешь уже спать. Также какъ въ дѣствѣ, давно, въ Петербургѣ, прижавъ дѣтскую ало-горящую щеку къ согнутой бѣлой рукѣ. И твоя каштановая коса распустится и будетъ легко щекотать тебѣ чуткія рѣсницы.

Ты будешь уже спать, родная. А если бы ты не спала, я сѣль бы на корточки на пслѣ, у твоего матраца, и стала бы рассказывать тебѣ чудесныя и странныя исторіи о взрывахъ въ наклоненныхъ цилиндрахъ, о траекторіяхъ и парабулахъ на пустыряхъ, о нѣмецкихъ вокабулахъ на автомобилѣ, о рыжей кобылѣ Ледѣ, о рыцаряхъ и рыцарской любви.

Помнишь ты, какъ давно, когда мы были ребятами, братъ Женя увѣрялъ насъ, что по ночамъ, въ кухнѣ, садится онъ на табуретъ, береть большой чайникъ въ дорогу, чтобы было что испить по пути, и улетаетъ на табуретѣ путешествовать по звѣздному небу.

Помнишь онъ разсказывалъ, какъ встрѣчали его звѣзды, гдѣ живутъ ангелы. Есть скорбные ангелы и свернуты ихъ темныя, какъ печаль, крылья и скорбно смотрятъ они ночью внизъ на землю. Есть веселые

ангелы. Они поютъ вечеромъ и ихъ пѣніемъ звучить земля... Помнишь, братъ Женя увѣрялъ, что ангелы, какъ и ты, разучивають экзерсисы на піанино и что есть у нихъ, какъ у нашей бабушки, клѣтки со старыми ворчливыми добрятками попугаями...

Ты спиши? Я пришелъ тебѣ разсказать странныя сказки о разсыпанныхъ на землѣ звѣздахъ, сказки о людяхъ, у которыхъ души горятъ, точно звѣзды.

О б л а к а .

Отливъ....

Сѣдыя стада пѣны обгладили песокъ желтоватыми, влажными зеркалами и ушли далеко въ море. Вдоль всего берега раскинулась на пескѣ зеркальная дорога.

Стою я у берега и видны мнѣ во влажныхъ зеркалахъ, у ногъ; отраженія бѣлыхъ, медленно идущихъ въ небѣ облаковъ.

Пронизанные свѣтомъ они клубятъ золотистые дымы. Скоро будетъ заходить солнце и небо посвѣтлѣло и, предвечернее, голубѣетъ чисто и тихо.

Во влажныхъ зеркалахъ клубятъ облака медлительные клубы жемчуга. Проносятъ пушистая шапки снѣговыхъ горъ. Караваны бѣлыхъ верблюдовъ движутся, сквозя синевой межъ бѣлыхъ горбовъ. Плынутъ тихія башни. Поднявъ щиты идутъ бѣлые рыцарскія дружины.

Уходятъ — находятъ облака...

Можетъ быть вижу я на влажномъ пескѣ рыцарскія тѣни крестоносцевъ, что проходятъ высокимъ вечерющими небомъ надъ Галлиполи и ищутъ стоянокъ рыцарскихъ шатровъ, и ищутъ стойлъ, гдѣ ржали тяжелые кони и алтарей, гдѣ молились пріоры.

Рыцари — облака, облака — рыцари...

Бѣлые рыцари бывають теперь только въ дѣтскихъ сказкахъ. Нѣть больше рыцарей въ мірѣ. Поч-

тенный міръ носитъ теперь круглое желтое канотье и ковыряетъ зубочисткой въ золотыхъ пломбахъ. Почтенный міръ, дымяся потнымъ затылкомъ, сотрясаетъ огненные полы кафе лошадинымъ топотомъ фокстрота.

Старые шарманщики еще поютъ о поповскомъ Христѣ, еще роются въ проѣденномъ червями Шекспирѣ, еще затихаютъ у страницъ Гете. Старые шарманщики вертятъ ручку сиплой шарманки и тянутъ ржавый мотивъ, что есть будто бы Богъ, правда и красота, что человѣчество — Сынъ Божій, несущій сіяніе божественнаго свѣта, звѣздный крестъ.

Гораздо убѣдительнѣе старыхъ шарманщиковъ ревъ пушекъ Канэ, Берты и многопудовый цилиндръ 14-дюймовыхъ орудій съ дреднаута. Есть кровь и есть сила и нечего долѣе тянуть заржавленный мотивъ.

— Эй, галопомъ тустепъ, эй ударьте бѣшеній каблуки въ фокстротѣ.

Слишкомъ долго разговаривали господа Кане съ господами Крупами. Міръ можетъ быть оглохъ и ослѣпъ, но міръ рѣшилъ, что все дозволено, потому что все позволяетъ сила и кровь. И потому, впервъ багровѣющіе кровью, бритые затылки въ тугіе воротники мундировъ, сѣли за Брестъ-Литовскій столь нѣмецкіе генералы. И потому, между гольфомъ и рост-билемъ, жизнерадостный Ллойдъ-Джорджъ подписалъ Британскую грамоту о покупкѣ русской мертвчины. И потому въ „1921 году по Рождество Христовѣ, парижская газета „Paris-Midi“ послѣ сообщенія о голодной смерти Россіи, почтенно совѣтуя помочь, почтенно совѣтуясь всему міру не забывать, что жизнь одного француза стоитъ жизни 10.000 русскихъ.

— Эй, галопомъ тустепъ, эй, ударьте бѣшеній каблуки въ фокстротѣ.

Сатана завергълъ теперь ручку шарманки. И это повеселѣе, чѣмъ завываніе старыхъ нищенокъ на па-

пертяхъ соборовъ, гдѣ сѣрый камень гудить подъ сводами вѣковымъ шепотомъ неоправданныхъ молитвъ и не сбываемыхъ надеждъ на призрачного Мессію.

Настоящій Мессія уже пришелъ. Вотъ онъ, въ желтомъ канотье съ золотыми пломбами на гнилыхъ зубахъ и съ „Paris-Midi“ въ карманѣ разглаженнаго пиджака.

Для него значитъ шли въ Іерусалимъ палладины и подымался на костеръ Джордано Бруно, и пѣль милосердіе свободы Камилль-де-Мулэнъ и маленькой барабанщикъ водилъ въ огонь старую гвардію?... Или это только облака, облака, что идутъ высоко надъ землей.

Заломивъ канотье Мессія вертитъ ручку визжащей шарманки. Все позволено и не будетъ больше свѣта и небо въ крови.

Свѣть померкъ и небо въ крови потому, что померкла моя родная земля.

Земля родная пала чернымъ пепломъ и уже догораетъ.

Земля родная моя, ледяная пустыня. Земля родная; обглоданная падаль, что кажется дымному, красному небу свои обугленныя черныя ребра.

Хлопья гари поднялись отъ земли моей и зарева земли моей шагаютъ по полямъ человѣческимъ.

Земля родная, ты смрадъ кладбищъ и ты ночь, и твои мертвцы ходятъ вѣтромъ, по всему миру. Они дергаютъ шершавыя веревки колоколовъ. Они дышать морозомъ подъ пурпурные, тяжелые парики законодателей. Они садятся за одинъ столъ съ тѣми, кто торгуется пылью твоихъ кладбищъ, родная земля.

Ночь ты, земля моя и на всей землѣ ночь. Кладбище ты и по всему миру смердный духъ кладбища. Звѣрь завыль въ ледяныхъ пустыняхъ твоихъ, земля моя, и по всему миру воетъ звѣрь, оскаливъ клинки золотыхъ пломбъ въ ужасѣ смертной тоски.

Затегла ночь. Сочится, медля, отсчитанный срокъ Апокалипсиса, когда третій ангель вылилъ чашу свою и сдѣлалась великая кровь... Но будетъ день. Ты, земля моя, какъ заутріе новаго царства, и ты будешьъ день, моя земля. Ты, земля моя, будешьъ какъ жена, облеченнная въ солнце.

Облака... Бѣлые дымы во влажныхъ зеркалахъ. Тихо проплываютъ бѣлые башни.

Высоко надъ синимъ моремъ бѣлѣютъ монастырскія башни. Тихо въ монастырѣ и гулъ земли едва доносить до него море. Живутъ тамъ воины-монахи. Они пришли изъ міра крови. Они взяли за бѣлые стѣны свою молодежь и своихъ дѣтей. Они принесли сюда вѣру и красоту.

Звѣздный крестъ принесли они съ собой въ бѣлый монастырь. Они замкнулись. Они какъ послѣдній отблескъ свѣта въ черномъ небѣ, послѣдній отблескъ, обѣщающей желанную зорю.

Свѣтлое воинство, призракъ бѣлый, благостно вѣетъ уже надъ Россіей. Нетлѣнныя бѣлые розы возрастаютъ на черномъ русскомъ крестѣ...

Высоко горить въ небѣ ночи звѣздный крестъ.

Тихая заря будетъ. И на зарѣ придутъ призрачные рыцари, бѣлые воины-монахи. И принесутъ міру божественный свѣтъ и спрятанныя звѣзды.

Они родились въ крови, бѣлые воины. Они исчадіе воины. Они дѣти страданій и оскорблений. Но смыты всѣ гноища войны въ монастырѣ надъ синимъ моремъ и тамъ пріоткрыла война другой свой ликъ, свѣтлый и благостный...

Мнѣ пора идти къ пароходу. Уже длиннѣеть по вечернему моя засинѣвшая на желтомъ пескѣ тѣнь. Сонно шуршитъ репей подъ шагами... Вспоминаю я бѣлые лагери, шелестъ соломы надъ шатрами знамень, бѣлыхъ солдатъ, похожаго на Сократа Карцева и вольноопредѣляющагося съ каримъ и голубымъ глазомъ, и поручика артиллеріи Мишу.

Почему всѣ они кажутся мнѣ на одно лицо и почему одинъ огонь горить въ ихъ усталыхъ глазахъ. Радостный огонь побѣждающаго духа.

Въ бѣломъ монастырѣ нѣжный и чистый мастеръ-монахъ, такой же нѣжный и чистый, какъ братъ ангелова Фра Беато Анжелико, намѣтилъ первые контуры божественной фрески. Еще смутные, едва сквозящіе, изумительные и прекрасные контуры Россіи...

Сѣдой Карцевъ, у котораго прадѣды служили компанцами и сержантами въ Императорской гвардіи и разноглазый вольноопредѣляющійся изъ поповичей, дѣды котораго можетъ быть дрожащими голосками пѣли панихиды по болярамъ, убѣнныемъ подъ Бородинымъ и на Смоленской дорогѣ, эфрейторы изъ воронежскихъ красноармейцевъ, полковники петербургской гвардіи — всѣ озарены тихимъ заревомъ Россіи.

Россія дышетъ въ Галлиполи. Здѣсь дышутъ московскіе дворики, поросшіе мягкой муравой и утонувшіе въ солнцѣ. Плыветъ здѣсь тихій пожаръ вечерней зари въ окнахъ дворцовъ по Англійской набережной Санктъ-Петербурга, когда Адмиралтейскій шпицъ гаснетъ въ блѣдномъ небѣ желтой стрѣлой. Здѣсь свѣжъ медовый запахъ русской гречихи, когда радостно сквозять сѣтки дождей въ сквозящей небесной сини надъ рѣюющими русскими полосками и перелѣсками. Россія свѣтить и сквозить здѣсь.

Галлиполи — отстой Россіи; Россіи, не знающей перерывовъ на чудесной и страшной дорогѣ своей.

Еслибы въ 1854 году, подъ Севастополемъ, была бы сброшена въ Черное море русская армія, сюда, въ турецкіе лагери, пришелъ бы съ нею артиллерійскій поручикъ Левъ Толстой.

Маленький, блѣдный и черноглазый гусарскій корнетъ Лермонтовъ несъ бы здѣсь караулы, у соломенныхъ шатровъ, гдѣ склонены боевые знамена.

Пушкинъ, теребя и закручивая кольца рыжеватыхъ кудрей на быстрые пальцы, свѣтло и вдохновенно пѣль бы свои „Посланія Друзьямъ Галлиполійцамъ“ о радости побѣждающаго духа, о денницѣ, что блеснетъ заутра...

Облака, облака... И мысли мои, какъ облака.

Моя тѣнь, ломаясь на сѣрой грядѣ заборовъ, бѣжитъ вверхъ, по бурьяну. Вотъ и площадь съ грузовиками и сѣрий домъ, гдѣ на верху, подъ черепичной крышей, завѣшенное одѣяломъ окно твоей площадки.

Мы вмѣстѣ идемъ къ пароходу. Мы не говоримъ о долгихъ разстояніяхъ. Мы вспоминаемъ нашъ домъ, нашъ огромный черный рояль въ гостинной и старую нянью Степаниду, у которой зубъ былъ со свистомъ.

И когда вспоминаемъ, она смѣется и вижу я, какъ на ея бѣломъ затылкѣ ветеръ чуть треплетъ каштановыя кудерьки, пронизанный теплой позолотой заката. Я сжимаю крѣпко ея родныя руки. Я хочу сказать, что она русская, что я горжусь ею, женой Галлиполійскаго офицера, но вижу я пронизанные вечерней позолотой каріе глаза и вспоминаю Петербургъ, морозный дымъ января, брата Женю и ея зеленый портфель съ серебрянымъ ключикомъ.

— Ну какъ же ты думаешь, найдемъ мы когданибудь твой серебряный ключикъ?

— Найдемъ. Конечно. И тогда все откроемъ; — усмѣхается она тихо.

Мы стоимъ у мола. Легко плеская и скатывая съ весель золотыя журчащія змѣйки, скоро подойдетъ отъ парохода шлюпка.

Часъ заката. Сверканья поднятыхъ солнечныхъ копій стынутъ надъ синими призраками горъ. Вечерняя тишина подошла къ бѣлымъ птицамъ.

Трубачъ поетъ вечернюю зорю. Я знаю, полыхаетъ на мѣди багряный закатъ. Трубачъ поетъ, по-

дымая трубу на все четыре стороны свѣта. Вечерняя заря летить короткими криками, точно птица бѣть багряными крыльями.

Кого кличешь ты, вечерній трубачъ? . . .

По осеннему холоду, когда снимутся бѣлые птицы, на бурой и мокрой травѣ зачернѣютъ груды обожженыхъ кирпичей отъ разобранныхъ очаговъ и будуть дымить дождемъ ржавыя кучи консервныхъ банокъ и размоетъ дождями глиняныя ступени русскихъ амфитеатровъ. И долго будетъ носить осенній вѣтеръ бѣлые клочья порванныхъ листковъ.

Когда улетятъ бѣлые птицы, по долинѣ останутся ихъ птичий слѣды: черные прямые нитки канавъ и тропы, выющіяся какъ петельки птичьихъ когтей.

На каменистыхъ холмахъ будутъ мочить дожди двуглавыхъ орловъ, сложенныхъ изъ сѣрыхъ морскихъ галекъ и раковинъ. И раковины станутъ шумѣть печальнымъ шумомъ прибоя.

На кирпичныхъ стѣнахъ домовъ и мечетей Галлиполи, когда улетятъ бѣлые птицы, будутъ долго темнѣть черные орлы и черные русскія буквы: „Телеграфная рота“, „Артиллерійская школа“, „Гарнизонный театръ“. И коричневыя, маленькие турчанки, слушаявой сырого вѣтра и грохотъ прибоя, будутъ пѣть долгія пѣсни русскихъ гяуровъ.

Когда улетятъ бѣлые птицы, кто станетъ на почетный караулъ у каменного надгробья, гдѣ распластались грозныя крылья орель, заведя очи въ гнѣвной скорби?

Солнце, выпускная изъ за синихъ горъ послѣднія стаи своихъ багряныхъ птицъ, будетъ искать по дымной долинѣ трубача, когда улетятъ бѣлые птицы.

— Гдѣ ты мой синій трубачъ?

А надъ дымной мглою моря, на зарѣ, будуть идти
огромныя свѣтлыя облака. Башни, снѣговыя горы, ка-
раваны и рыцари.

Облака, облака, облака . . .

* * *

Когда уголья будутъ гаснуть, ты тронь ихъ щип-
цами и ринутся искры и запляшутъ, а ты сядь ближе
и слушай шопотъ огня.

Сядь ближе, наклонись такъ, чтобы тихій багря-
нецъ озарилъ твое лицо, и слушай.

ИВАНЪ ЛУКАШЪ

Галлиполи, Августъ-Сентябрь, 1921 г.

Россійско Болгарское Книгоиздательство.

Софія, ул. Царь Освободитель № 4

-
- П. Н. МИЛЮКОВЪ. Исторія Второй Русской Революції,
вып. I.
- П. СТРУВЕ. Размышленія о русской революції.
- П. СТРУВЕ. Статьи о Л. Толстомъ.
- К. Н. СОКОЛОВЪ. Правленіе генерала Деникина.
- В. В. ШУЛЬГИНЪ. „1920 годъ“.
- КН. Е. Н. ТРУБЕЦКОЙ. Европа и человѣчество.
- Русскіе сборники I и II кн.
- И. ЭРЕНБУРГЪ. Пикъ войны (Во Франціи).
- А. БЛОКЪ. Двѣнадцать.
- УЭЛЬСЪ. Россія во мглѣ.
- БУЛГАКОВЪ. На пиру боговъ.
- НИКОЛЬСКІЙ. Тургеневъ и Достоевскій (Исторія одной
вражды).
- МИТРОПОЛИТЪ АНТОНІЙ. Словарь къ твореніямъ Дос-
тоевскаго.
- КЭССОНЪ. 16 аксіомъ дѣлового человѣка.
- Журналъ „Русская Мысль“ подъ ред. П. СТРУВЕ. Кн. 1—5.
-

Въ ближайшіе дни выйдутъ изъ печати:

- П. Н. МИЛЮКОВЪ. Исторія Второй Русской Революції,
вып. I.
- В. В. ШУЛЬГИНЪ. Si j'étais roi.

БИБЛИОТЕКА ВСЕМИРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ВЫШЛИ ИЗЪ ПЕЧАТИ:

- № 51. А. П. ЧЕХОВЪ. Дама съ собачкой. Тина и др.
- № 52. А. П. ЧЕХОВЪ. Дочь Альбиона. Романъ съ контрабасомъ и др.
- № 53. Ф. СОЛОГОУБЪ. Опечаленная невѣста.
- № 54. Л. АНДРЕЕВЪ. Въ туманѣ.
- № 55. РЕМИ ДЕ ГУРМОНЪ. Цвѣта.
- № 57. ОСКАРЪ УАЙЛЬДЪ. Сказки.
- № 58. КАЗ. ТЕТМАЙЕРЪ. Побѣда. Сфинксъ.
- № 59. КНУТЬ ГАМСУНЪ. Рабы любви. Кольцо и др.
- № 60. ГАБРІЭЛЕ Д'АННУНЦІО. Орсола.
- № 61. СТ. ПШИБЫШЕВСКІЙ. De profundis.
- № 62. СТ. ПШИБЫШЕВСКІЙ. Андрогина.
- № 64. М. МЕТЕРЛИНКЪ. Пелеасъ и Мелизанда.
- № 66. А. П. ЧЕХОВЪ. Сирена, Тайна и др.
- № 67 — 68. Н. С. ЛѢСКОВЪ. Полунощники.
- № 69. Н. С. ЛѢСКОВЪ. Грабежъ.

Складъ изданий: Софія, ул. Царь Освободитель № 4.

Россійско-Болгарское Книгоиздательство.

Тел. адр. Софія Рубокнига.

РОССИЙСКО БОЛГАРСКОЕ КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО

СОФІЯ УЛ. ЦАРЬ ОСВОБОДИТЕЛЬ № 4.

Отдѣленіе на Францію, Англію, Италію,
Швейцарію и Бельгію.

И. А. КИРИЛОВЪ: Societé de Presse, de
Publicité et d'Édition, 22 Rue d'Anjou,
Paris.

Отдѣленіе на Германію, Польшу и При-
балтійскіе Государства.

В. Р. ГИРШФЕЛЬДТЪ: Luther str. № 29,
Berlin W. 62.

Отдѣленіе на Сербію.

Л. В. Звѣревъ, Пуанкарева ул. № 20,
Бѣлградъ

Отдѣленіе на Турцію.

Книжный магазинъ Т-ва „Культура“ gran-
de rue de Péra № 451 Constantinopole.

Отдѣленіе на Чехо-Словакію.

Кн-ство „Наша Рѣчъ“, Катеринска № 40,
Прага.

Отдѣленіе на Грецію.

Союзъ Русскихъ Студентовъ: Rue Met-
honis № 49, Athènes.

Отдѣленіе на Финляндію.

г. КУЗЬМИНЪ-КАРАВАЕВЪ, Lilla Roberts-
gatan № 8, loc. 24. Helsingfors.

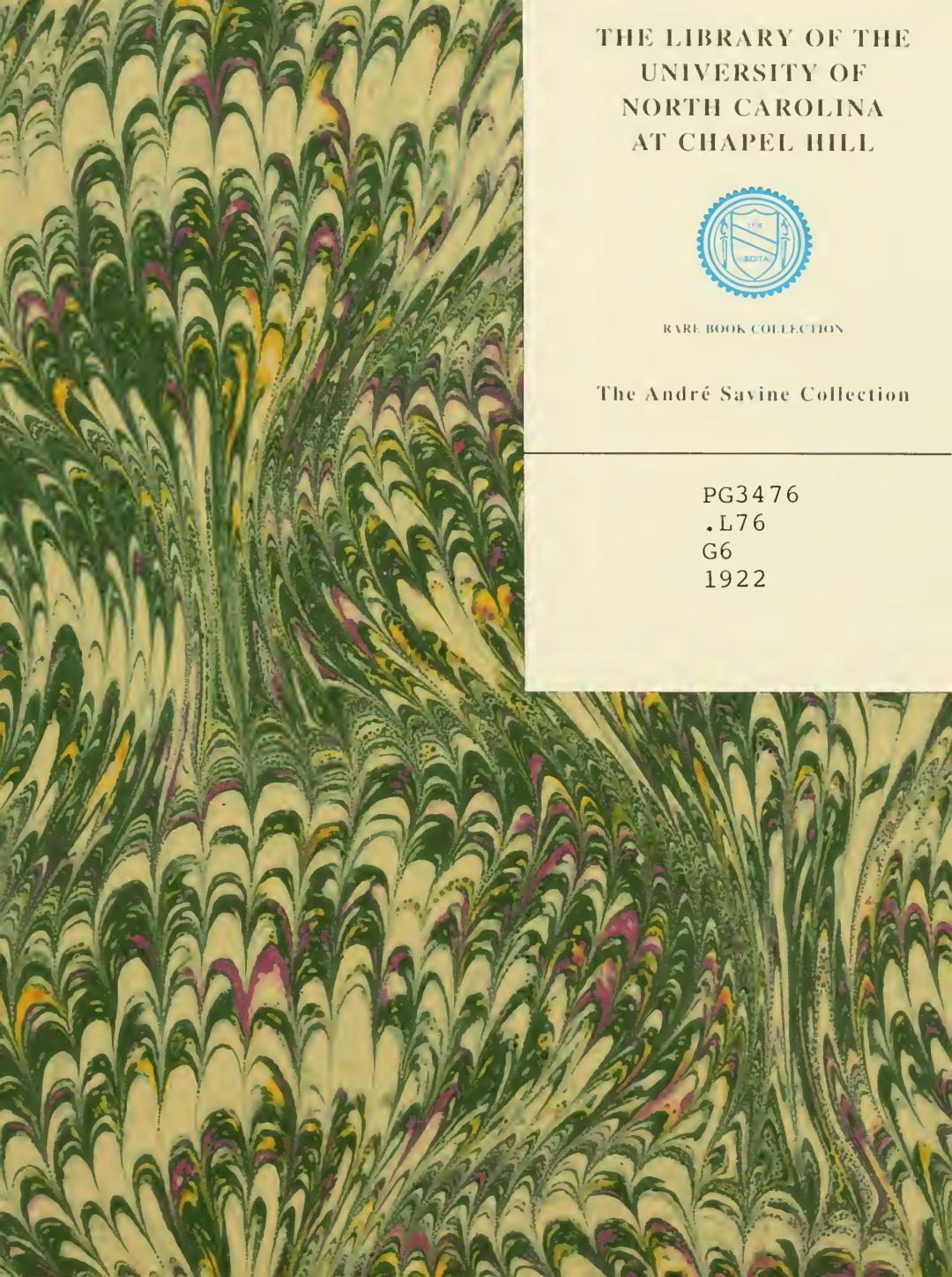

The background of the entire page is a detailed marbled paper pattern, featuring vertical streaks of yellow, green, and dark purple/black.

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

RARE BOOK COLLECTION

The André Savine Collection

PG3476
.L76
G6
1922

